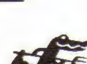

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

30 - 88
ОКТЯБРЬ

Рисунок
В. ТИЛЬМАНА.

Рисунок В. МОХОВА.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

КИЧ ИДЕТ НА ШТУРМ

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

Что не понравилось нашему корреспонденту на Рижском рынке столицы

Над Рижским рынком Москвы дымовая завеса. Проворные молодые люди колдуют над мангалами, потчуя гостей рынка ароматным шашлыком. Дым расползается по торговым рядам индивидуалов и кооператоров — рядов тут множество, они образуют небольшой городок с переулками и закоулками. Здесь покупателям предлагают широкий выбор сверхмодных джинсов-«варенок», умопомрачительных курток, кофт и платьев, экзотической обуви. Купленные на рынке «варенки», наверное, правильнее называть «жаренками», так как они долго источают запах приготовленного на углях мяса. Трудно гарантировать качество товара, но в целом столичных модников можно поздравить: они получили неплохую возможность для пополнения своего гардероба.

Правда, товар дороговат, не без этого, но не ждать же когда развернется наша промышленность! Заждались!

Протискиваясь сквозь толпу, которая течет сплошной рекой между торговыми рядами, я убеждаюсь, что принятые недавно законы об индивидуальной и кооперативной деятельности дают свои плоды. Но на Рижском вместе с шашлычным духом шибает в нос и некий душок, не доставляющий радости. Сразу и не поймешь, откуда он исходит, что так раздражает в этом изобилии товаров.

Уж не изображения ли полуголых девиц, встречающихся на рынке повсюду: они расклеены для привлечения покупателей, их можно увидеть на значках и открытках, брелоках и сумочках, в зазывных и наступательных позах?

Навряд ли: мы уже почти избавились от ханжеского взгляда на полуобнаженную женскую натуру, «московские красавицы», например, выпущены в эфир в купальных костюмах, и это мало кого раздражает.

Хотя разница между нашими эфирными девушками и рыночными девицами огромная. Наших телекрасавиц девицами никак не назовешь, а эти, на значках и брелоках, именно девицы, нагловатые, атакующие. В рыночном конкурсе они соревнуются не в красоте, а в развязности, на потребу низкому вкусу. Конечно, для человека искушенного все эти позы и манки — жалкая атрибутика массовой культуры. Для подростков — а их на рынке большинство — это открытый урок: женщина не великое таинство природы, постигают они, а доступная каждому самка, такой же предмет купли и продажи, как джинсы.

Или, может быть, раздражают эпигонские поделки «под Запад», отрыжка той же массовой культуры? Кукиши всевозможных размеров и назначений: совсем маленький значок из керамики, средней величины брелок, вырезанный из дерева и покрытый лаком, и самая крупная фига, навинчивающаяся на палку, очевидно, для демонстрации негативного отношения к чему-либо в условиях многолюдных мероприятий.

Клыки снежного человека и зубы дракона, которые можно пристроить во рту и наводить ужас на окружающих. Клыки вложены в упаковку, изготовленную типографским способом, на ней многообещающая надпись: «Укушу!»

Сувениры кладбищенского толка: черепа в касках и обнаженные, без головных уборов. Заунывного вида скелетики, один совсем невеселый: в целости у него только череп, остальное собрано в кучу: наверное, результат автокатастрофы.

На Западе подобные сувениры давно набили оскомину, и получается, что мы подбираем объедки с «их» сувенирного стола. Это и обидно: улыбка свойственна умельцам художественного промысла. Российские поделки можно было недавно увидеть в Выставочном зале на Манеже. Юмор наших мастеров добрый и мягкий, нет в нем экстравагантности и пошлости. Разумеется, и на «гнилом Западе» накоплены богатые традиции в сувенирном промысле, и вовсе не грех позаимствовать что-то из «их» арсенала, но только не эти затасканные и оттого отдающие пошлятиной кукиши, клыки и черепа.

Удручает не только убогость фантазии наших умельцев, скудость ассортимента, но и качество работ. Создается впечатление, что подлинные таланты сидят по домам, а откликнулись на разрешение торговать своими поделками бездарные и циничные дельцы. Им не стыдно стоять рядом со своей продукцией — ангелочками с крыльями птеродактиля и литой пепельницей, украшенной головой неизвестного существа,— что-то между лошадью и бегемотом. Мне стыдно даже проходить мимо них, и от этого тоже испытываешь дискомфорт.

Не по себе становится и когда видишь сумки и кошельки, несущие на своих бортах денежные мотивы. В сумки вделаны рекламные страницы из западных журналов — приемчик дешевенький, но не о нем речь. Рядом с рекламируемым товаром указана его стоимость в валюте. Кому она адресована: западных покупателей что-то я на рынке не увидел. Значит, нам с вами? Чтобы соприкоснулись с «их» красивой жизнью?

Впрочем, изготовитель массивного кошелька считает, что красиво жить можно и с отечественными купюрами. Лучше всего, конечно, иметь сотенные. Где только не встретишь истинного патриота: в кошель — а это своеобразный гимн зажиточной жизни — он вмонтировал цветную фотографию сотни в натуральную величину. Вещица к тому же с секретом: продавец то открывает, то закрывает ее, и каждый раз подбор купюр внутри меняется. Но и тут никакого преклонения перед Западом: трешки и пятерки наши, родимые.

Кстати, не чужды патриотизма и продавцы значков с бесстыжими девицами и персонажами фильмов-ужасов. У одного из продавцов на стенде прицеплен значок с Брежневым. На уголке текст: «Конец застоя». Девиц и кровавых вампиров он, судя по всему, к застою не причисляет, они для него относятся к расцвету перестройки.

Иду дальше, и опять на душе кошки скребут. Вполне конкретные кошечки, с которыми столкнулся в павильоне по продаже «художественных» изделий. Здесь почти все свое, незаемное. Вдоволь предметов знакомого мещанского быта двадцатых и последующих годов. Ностальгия по мещанскому ретро. Так и ждешь, что из толпы покупателей вынырнут людоедка Эллочка или подгулявший светский лев Ипполит Матвеевич из «Двенадцати стульев». Зеркала в рамах с золочеными вензелями. Распятый Христос и тут же керамическое воспроизведение коньячной бутылки. Идиллическая сценка на скамейке приусадебного парка: счастливая мамаша с ангелоподобным ребеночком. Умильные женские головки: лепная и нарисованная на зеркале. Пейзажики ужасающего качества, но заключенные в уютные рамочки. И, конечно, противной наружности киски: одна в виде фигурной шкатулки, другая,— мазанная по дереву, тут же живописный портрет трех котят-уродцев и инвалидного вида тигр (тоже живопись!).

И только в конце экскурсии по рынку, когда охватываешь в целом всю эту гремучую смесь безвкусицы, эпигонщины и торгашеского патриотизма, все эти товары МЕЩАНСКОГО потребления, начинаешь понимать, что тебя не устраивает больше всего. Псевдохудожественная продукция сбывается в открытую, официально, значит, на нее дано «добро». Уж не взят ли курс на мещанизацию населения, на формирование у него ложного представления о красоте, на размывание чувства прекрасного? Или допущена промашка, и кто-то механически перенес торговый принцип «Спрос рождает предложение» с джинсов на художественный промысел, на товар, который несет в себе воспитательный заряд? Для насыщения рынка «варенками» принцип этот незаменим, но можно ли отдать стихии рынка наше представление о прекрасном, о гармонии, можно ли пускать с молотка непреходящие эстетические ценности?

Бескультурье, художественное невежество, обывательский взгляд на красоту еще далеко не изжиты, и спрос на псевдокультуру может родить такое предложение, что армады жутких кисок и беспардонных кукишей начнут штурмовать наши дома. Собственно, они уже начали свое победное шествие по стране, их можно увидеть на курортах Крымского побережья, в приволжских городах, в Сибири. Так что, будем потакать низкому вкусу, займем позицию равнодушных наблюдателей или оградим покупателя, в основном неискушенного подростка, от натиска халтуры?

Своими сомнениями я поделился с ответственным секретарем московской комиссии по кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности А. А. Паниным.

— Кто утверждает кустарные поделки? — спросил я у него.

— Сейчас никто,— пояснил Александр Андреевич.— До принятия документов по кооператорам и индивидуалам они проходили через художественные советы при исполкомах. В новых законах это не оговорено. Кустарь получает патент и гонит на рынок все, что ему заблагорассудится. Кроме порнографии...

— Но отсутствие порнографии еще не гарантирует присутствие вкуса.

— Полностью согласен с вами. Действительно, многие поделки не выдерживают никакой критики, наносят урон эстетическому воспитанию. Но закон молчит, и мы бессильны в борьбе с наплывом безвкусицы. Лично я думаю, что контролировать самодеятельных художников лучше всего при сбыте поделок. В этом случае мы не создадим препятствий при выдаче патентов. Это будет регулирование, а не запрет. Думаю, фининспектор и милиционер, дежурящий поблизости, сталкиваясь с дурными поделками, вполне могли бы определять их качество и сообщать нам.

Финансовые и милицейские органы в качестве ценителей искусства? Конечно, люди с хорошо развитым художественным вкусом встречаются среди всех категорий работников. Но поможет ли такое половинчатое решение? Не разумнее ли все же поручить это дело специалистам, чтобы они, как и раньше, с самого начала отсеивали халтуру?

Не все, что было раньше, подлежит отмене. Любим мы впадать в крайности и наряду с редутами застоя порой сметаем барьеры оправданные. Слово «запрет» вообще у нас дисквалифицировано. Вот и Александр Андреевич Панин, прекрасно понимающий, что запреты бывают не только дурацкие, но и разумные, предпочитает обтекаемое словечко «регулирование». Хотя лично мне непонятно, как можно регулировать халтуру в случае ее выявления на рынке. Халтуру можно и необходимо запрещать, ограждая от нее покупателей. И не стоит этого стесняться — примиренчество по отношению к халтуре более зазорно.

Регулирование мне видится иным. На мой непросвещенный взгляд, комиссии должны не пассивно ждать, когда к ним повалят талантливые мастера художественного промысла, а сами искать их, регулируя стихийный процесс выплеска поделок на рынок. Истинных талантов в народе не счесть — иначе не было бы у нас ни дымковской игрушки, ни хохломской росписи, ни дагестанского серебра.

Хотелось бы также, чтобы должностные лица, причастные к внедрению нового закона в жизнь, видя в нем какие-то шероховатости, не занимали выжидательной позиции. Время не ждет, кукишно-поделочный охват населения нарастает. Появляются современные Эллочки, на которых вся эта дешевка, говоря словами И. Ильфа и Е. Петрова, производит «такое же неотразимое впечатление, какое производит старая банка из-под консервов на людоеда Мумбо-Юмбо».

ПРИЧИН ДЛЯ ВОЛНЕНИЙ НЕТ

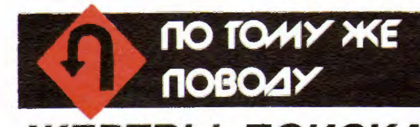
— Звоню по поручению общественности трех районов столицы,— сказал голос,— Кировского, Свердловского, Тимирязевского. Данные районы получили садовые участки в ста двадцати километрах от Москвы. Это москвичу по плечу, два с половиной часа в электричке — это не время. Но, товарищи, на нашем пути к участку есть препятствие — канал имени Москвы. Чтобы попасть к себе на дачу, надо переправиться через канал. Поскольку парома нет, то на берегу собирается туча народу, и вот некие ловкие люди за пятьдесят копеек наладились нас переправлять на тот берег. В одну лодку из алчности сажают по десять — двенадцать человек. Были опрокидывания посудин, так как наши хароны имеют привычку работать в подпитии, особенно к вечеру. Обращались к руководству канала, просили как-то помочь, но пока без изменений! Как быть?

Исходя из опыта, можем с гарантией сказать садоводам: ваши беды кончатся тогда, когда пьяницы утопят человека три-четыре. Вот тогда не только руководство водоканала взволнуется, но и Дмитровский райисполком, на территории которого находятся участки. И вопрос будет мигом разрешен. А пока у вас тонули вещи да женщина одна, которую вы опрометчиво спасли. Так что причин для волнений покуда нет!

— За!

Рисунок Е. ГУРОВА.

ЖЕРТВЫ ПОИСКА

В заметке «Выставочная нескладуха» (№ 32, 1987 г.) речь шла о чувстве глубокого разочарования, которое испытали сотрудники МНПО «Спектр», посетившие выставку «Научно-техническое творчество молодых-87» на ВДНХ СССР.

Разочарование вызывали не экспонаты, а система информационного обслуживания посетителей, которые не только не смогли получить необходимой им техдокументации, но еще и долго вынуждены были заполнять опросные листы, оказавшиеся для них совершенно бесполезными.

Из ответа, полученного нами от директора Центральной выставки «НТТМ-87» ЦК ВЛКСМ Г. Карнавина, выясняется, что сотрудники МНПО «Спектр» стали жертвами «активного поиска новых форм работы по пропаганде перспективных разработок всех отраслей народного хозяйства». Именно в порядке «активного поиска» были составлены опросные листы, которые и заполняли наши герои, так и не поняв, зачем и кому это нужно. А им-то нужны были не новые формы пропаганды, а самая обыкновенная техдокументация, имеющаяся обычно на любой выставке. Но, видимо, одно из двух — или активные поиски и новые формы, или привычная и столь необходимая специалистам техдокументация. Пора бы, конечно, внедрить и третий вариант, когда плохо организованное новое не сводит на нет весьма полезное старое.

П. КАШУРИН.

Б. КОТЛЯРОВ

МИНУТЫ-МИНУТКИ

У станка пустой беседы
Тимофей не одобрял.
Но шепнул словцо соседу,
И минуту... потерял.

Стал искать ее повсюду.
Уронил еще минуту.
Разозлился парень: «Тьфу ты!
Что ж, хоть эту подымай».

Но рассыпалась минута
На секунды невзначай,

Словно бисер. Что же делать?
И махнул рукою он:
«Собирать такую мелочь,
Как секунды, не резон!»

Их ты здесь и не заметишь —
Ветошь, сор, клочки газет.
Из-за них минута третья
Тоже на пол — стук! — и нет.

А уборщица Анюта
Как возьмется за метлу,
Как начнет мести минуты,
Сколько их — в щели, в углу!

Глядь, и месяц на исходе —
Вот бы их!.. А их и нет.
Что — часок? Занять бы вроде
Хоть минуту! А, сосед?

Ну, займут у сна, у ночи.
Разве дело: штурм, аврал?
А сосед — он тратил точно.
Он упасть им не давал.

В цехе все про то узнали,
Пареньки смотреть идут,
Как сосед их на детали
Экономит пять минут.

Тимофей, ты тоже, кстати,
Подойди, смотри смелей,
Те минуты, что потратишь,
Станут часом, Тимофей!

ЗАНЯТОЙ

Век ЭВМ. И телевек.
И ритм. И темп... Не жизнь, а бег.
— Что ж не спешишь за книгу взяться?
— Я подожду экранизаций.

г. Харьков.

Михаил АКСЕНОВ

БЕДНАЯ ДУША

Все напоказ
За стеклами
Большими:
Шекспир,
и Достоевский,
и Гюго!
Да ведь хозяин
Не общался с ними,
У этих классиков
Не взял он
Ничего.
И вряд ли
Состоится
Разговор.
Сияют классики!
Стоят как на подбор!
Семь белых слоников —
Не более того —
Шекспир,
и Достоевский,
и Гюго!

Илья РЕЗНИК

В ЧАЙХАНЕ

Анвар, Азим, Аббас, Исхак
Сидели молча, просто так...

Пред ними были, как всегда,
Зеленый чай и парварда...

Анвар сказал, пуская дым:
— О чем ты думаешь, Азим?..

Азим ответил через час:
— О том, что думает Аббас!..

Аббас сказал, зевнув в кулак:
— О чем мы думаем, Исхак?..

Исхак сквозь сон ответил им:
— На хлопке все... А мы сидим...

ЭПИТАФИЯ ПАРОДИСТУ

Он был породист, пародист,
По роду службы — маг, артист.
Врагов имел две тыщи дюжин,
Но сердцем был пред богом чист.
Не плачьте громко —
он все слышит.
Цветы качаются —
он дышит.
Пройдет мгновение —
и он
На смерть пародию напишет.

САЖИДИН

КАМЕШКИ В ГОРСТИ

* * *

— Куда на ишаке ты держишь путь,
С бредущей сзади женщиной, Али?
— Да прихворнула женушка чуть-чуть,
И мы ее в больницу повели...

* * *

Кто главней,
решают спор
Топорище и Топор:
Из жердей загон овечий
Не достроен до сих пор.

* * *

Один радушно потчует народ,
Другой нигде застолья не пропустит:
Карман пошире первый распахнет,
Второй пошире поясок отпустит.

* * *

Венок из лавров, проявляя прыть,
Он ищет, чтобы голову прикрыть:
Не так видна пустая голова,
Коли на ней лавровая листва.

Перевел с лезгинского
Борис ГАЙКОВИЧ.

А. МАЛИН

ПЕЧАЛЬНАЯ ПАЛКА

— Ты чем-то, я вижу, расстроена, Палка?
— Себя, понимаешь ты, очень мне жалко:
Появится новый закон иль указ,
И это на мне отзовется тотчас.
Попозже все в нужные рамки войдет,
Но кто-то сначала меня перегнет!

г. Симферополь.

Екатерина ЯРОВАЯ

* * *

«На территории завода крепленых вин забил минеральный источник...»
(Из газет.)

Пришла пора путем прямым, а не окольным
Искоренить губительный порок
И вдарить так указом антиалкогольным,
Как вдарил посохом былых времен пророк.

Бог показал могущество пророка —
И вот у винного завода во дворе,
Хоть государству от него немного прока,
Забил источник минеральный на заре.

Пришел директор — очень удивился.
И, помолившись глядя на указ,
Пошел в свой кабинет и так напился,
Как будто пил последний в жизни раз.

И вот теперь вино идет в нагрузку —
Народ его не хочет больше пить.
Глядят на небо, ждут теперь закуску —
Хотят небесной манной закусить.

Вячеслав ОРЛОВ

* * *

Ревизор тосковал.
Все не верилось как-то,
Что домой уезжал
Без «обмытого» акта.

* * *

Метла, войдя, бывало, в раж,
За этажом мела этаж.
Теперь пройдет один этаж
И — полчаса на инструктаж!

В СЕМЬЕ БЮРОКРАТА

— Будет все, что хочешь.
Эта тетя — Фея!
— Ты меня морочишь...
Фея?
Без портфеля?!

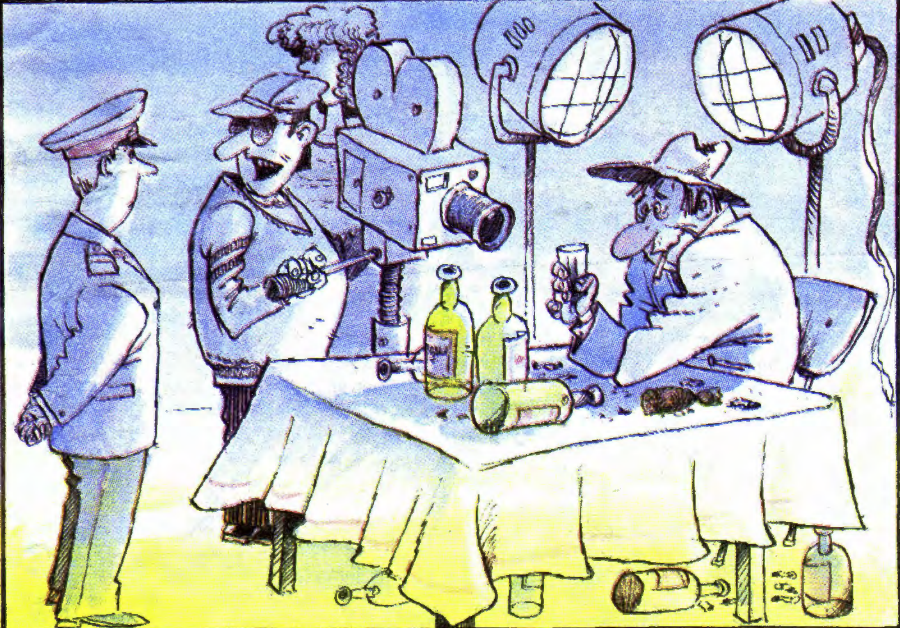
Виктор ВИТЮК

ПРИТЧА О ТОПОРЕ

Рубили лес, летели щепки,
Крушил наотмашь и в упор
Крутой закалки, четкой лепки,
Заточки бритвенной топор.
Он вверх взмывал в руке могучей
И на мгновенье застывал.
Чтоб прянуть молнией из тучи!
Чтоб поразить! Чтоб наповал!
Он синим блеском отливал,
Вонзался в плоть с веселым звоном
И запах крови и озона
Вокруг себя распространял.
Он весь плясал от возбужденья
И так азартно рвался в бой,
Что иногда в припадке рвенья
Тянул и руку за собой.
И, может быть, рука устала.
А может, более не стало
Для рубки меченых стволов,
А там и оттепель настала,
Но в топоре в конце концов
Потребность острая отпала.
И, некогда внушавший страх,
Стальной слепивший синевою,
Облеплен грязною травою
И прошлогоднею листвою,
Уже припахивая гнилью,
Как воплощенное бессилье,
Ржавеет, брошенный в кустах
Между забором и канавой.
Сомнительна мирская слава,
Но несомненен приговор.
Не дайте жалости проснуться!
Не вздумайте за ним нагнуться!
Храните бдительность: и ржавый,
Он все-таки еще топор.

Рисунок А. БАВЫКИНА, г. Мурманск.

— Еще один дубль, и можно его забирать...

Рисунок И. НОВИКОВА.

— Давайте, что ли, песню про вино споем!

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

Святослав СПАССКИЙ

КАНАВА

Рассказ

Утром мастер велел Сашке Дятлову выкопать дренажную канаву.

Сашка вышел из подсобки и взял лопату. В тени за подсобкой, прямо на траве, сидел Вахрамеев и курил сигарету «Дымок». Он был босой, вдумчиво шевелил пальцами ног. Рядом стояли резиновые сапоги.

— Слышь, Вахрамеев,— сказал Сашка,— мне мастер велел выкопать канаву. Дренажную.

Вахрамеев поперхнулся дымом.

— Как это? — спросил он.— Вот так взял и велел?

— Так и велел.

— Приказал, выходит?

— Выходит.

— А ты?

— А что я? Вот, лопату несу.

— Копать пойдешь?

— Ну, а что делать?

— Как что? Перевоспитывать. Убеждать. Это дело серьезное, ты что? Мы так никогда из застоя не выкарабкаемся. Идем-ка.

Вахрамеев тщательно затер окурок босой пяткой, надел сапоги и поднялся по ступенькам подсобки. Дятлов вошел следом.

Мастер сидел за облупленным столом и мрачно перебирал накладные.

Вахрамеев толкнул Сашку локтем и вполголоса произнес:

— Сидит. Бюрократ.

И тут же громко повторил:

— Сидит. Бюрократ.

— Чего тебе, Вахрамеев? — спросил мастер.

— В бумажках закопался,— страстно сказал Вахрамеев.— Бумажки — это мы умеем. А человеческий фактор игнорируем. Бюрократ ты, Сергей Антоныч. Мышления нового не достиг.

— Конкретно, чего тебе, Вахрамеев? — переспросил мастер.

— Ты Дятлову приказал копать канаву?

— Ну?

— Так вот, кончай авторитарные замашки. Вся страна осудила командно-административные методы как неэффективные экономически. Может, хватит? Вот уже и оконной замазки в магазинах не достать. Уже и замазка — дефицит. Приехали.

— Замазка-то при чем?

— Да все при том же. Докомандовались. Доприказывались. Ничего нет. Все или дефицит, или брак, без альтернативы. А вы, аппарат, над бумажками только колдуете.

— Это я, что ли, аппарат? — спросил мастер, пряча накладные в стол.

— А кто же? Аппарат и есть. Управленческо-бюрократический.

— Ну-ну,— сказал мастер.— И что ты предлагаешь?

— А ничего. Сократить аппарат.

— А канаву?

— Что канаву? — сказал Вахрамеев, плотно усаживаясь на лавку (Сашка остался стоять у двери).— Тут надо прогрессивные формы внедрять. Пускай Дятлов ее у тебя на семейный подряд возьмет.

— Я бы взял,— сказал Сашка,— так у меня еще семьи нет. Не сложилась семья. Холостой я, ты что, не знаешь? А мама моя в Благовещенске.

Мастер с интересом посмотрел на Вахрамеева:

— Мама-то в Благовещенске,— повторил он.— Не приедет она оттуда канаву копать. Далеко больно.

— Тогда сдай в аренду.

— Чего сдать?

— Ты, видать, Сергей Антоныч, совсем газет не читаешь. Сдай участок Дятлову в аренду, он и выкопает канаву. Но уже как хозяин, а не как слепой исполнитель. Это экономически выгодно. Он ее и быстрее выкопает, и глубже.

— А если не выкопает?

— Не выкопает — значит, не надо. Хозяину видней.

— Как так — не надо? Вот же у меня проект.

— Проект! Бывает, что и проекты непродуманные рисуют,— осмелел Сашка.— Вон, переброска северных рек. Там тоже проект был. На многие миллионы. Хорошо, народ вмешался, писатели...

— А ведь он прав,— сказал Вахрамеев.— К народу надо чаще обращаться. А ты, Сергей Антоныч, чураешься народа-то. Да. Тебе бы только волевым порядком. Давай-ка собирай смену для всенародного обсуждения канавы. И местных из поселка покличь. Я, например, нутром чую, не нужна нам эта канава, вредная она экологически. Но я могу и ошибиться. А коллектив меня поправит. Это и есть демократия в действии.

— Ну, хорошо,— подумав, сказал мастер,— к вечеру соберем народ. А вот в столовой нашей крыша прохудилась, дождик прямо в щи капает. Как считаете — это экологически не вредно крышу залатать? Или тоже вопрос на демократические рельсы поставим, референдум объявим?

— Как считаешь, Дятлов? — спросил Вахрамеев.

— Считаю, надо бы починить, не вредно. Можно и без референдума.

— А если я вас попрошу, обоих, а? Просто попрошу, без приказаний. По-человечески?

— Вот. По-человечески,— сказал Вахрамеев.— Коли по-человечески, так нет проблем. Идем, Дятлов, починим. Там делов-то на полчаса.

Оставшись один, мастер повернул ключ в ящике стола, посидел еще минуту, повздыхал. Потом пошел копать канаву.

АРХИВНАЯ ИСТОРИЯ

Только ли наследников касается судьба архива Есенина и Мейерхольда?

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

25 апреля 1986 года после тяжелой болезни скончался удивительный человек — Константин Сергеевич Есенин. Незаурядность этого человека была не только в том, что он являлся сыном Сергея Есенина и Зинаиды Райх, пасынком Всеволода Мейерхольда, крестником Андрея Белого. И не только в том, что он обладал незаурядными поэтическими и литературными способностями. Главным делом его жизни, его «одной, но пламенной страстью» был футбол. Наша страна не знала и, я уверен, не узнает второго такого футбольного знатока.

Вторым главным делом своей жизни Константин Сергеевич считал сохранение всего, что связано с памятью о его великом отце Сергее Есенине, о его великом отчиме Всеволоде Мейерхольде и о его матери — прекрасной актрисе Зинаиде Райх. Здесь необходимо пояснить, что Константин Сергеевич родился в 1920 году. Его мать после ухода из семьи Сергея Есенина становится женой Мейерхольда. Всеволод Эмильевич тут же усыновляет маленького Константина и удочеряет старшую дочь Есенина и Райх Татьяну. Мейерхольд очень любил своих приемных детей, ни в чем им не отказывал. В 1935 году он подарил 15-летнему Косте фотоаппарат «Зоркий» — диковинку по тем временам. Будущий знаток футбола стал ярым фотолюбителем. Он фотографировал всех гостей, бывавших в квартире Мейерхольда в Брюсовском переулке и на его даче в Балашихе. Среди этих гостей были Юрий Олеша, Всеволод Вишневский, Сергей Эйзенштейн и многие другие. Фотографии Костя вклеивал в специальные альбомы. Он и прочие домочадцы сопровождали их шутливыми комментариями.

Сейчас самое время кое-что пояснить. Многим, наверное, памятна статья Константина Рудницкого «Крушение театра», опубликованная в № 22 журнала «Огонек» за текущий год. В ней шла речь о судьбе театрального архива В. Э. Мейерхольда, о том, как С. Д. Эйзенштейн, Т. С. Есенина и другие после ареста Всеволода Эмильевича спасали этот архив от уничтожения. Сразу же заметим, что в нашей истории речь пойдет о другом: если в «Огоньке» рассказывалось о ТЕАТРАЛЬНОМ архиве Мейерхольда (записи репетиций, режиссерские планы, стенограммы речей и т. д.), то мы будем говорить о СЕМЕЙНОМ архиве Есенина — Райх — Мейерхольда, который был сохранен Константином Сергеевичем.

Во избежание терминологической путаницы давайте условно поделим наследие Константина Сергеевича на две неравноценные части: ФУТБОЛЬНЫЙ архив, представляющий определенный интерес для специалистов, и СЕМЕЙНЫЙ архив, имеющий большую историческую ценность. Этих терминов мы и будем придерживаться в ходе повествования.

Для доказательства того, что слова «большая историческая ценность» не есть преувеличение, приведем несколько пунктов из описи семейного архива, составленной теми, кому довелось его видеть еще при жизни Константина Сергеевича.

— Автографы стихотворений Сергея Есенина.

— Письма С. Есенина и В. Мейерхольда к Зинаиде Райх.

— Негативы и фотографии в трех альбомах, которые делал юный Костя Есенин, а комментировали все члены семьи.

— Все прижизненные издания стихотворений Есенина, многие с автографами.

— Портрет С. Есенина работы Ш. Эрдмана.

— Портрет В. Э. Мейерхольда работы Анненкова.

— Рукописи воспоминаний К. С. Есенина о С. Есенине, З. Райх, В. Мейерхольде.

— Рубаха-косоворотка С. Есенина и другие его личные вещи.

Теперь вы получили некоторое представление о ценности семейного архива.

Все это и многое другое Константин Сергеевич обещал при жизни передать в государственные архивы. Такое же намерение имела (и имеет) его прямая наследница и дочь Марина Константиновна. Но...

«Но» означает неожиданный поворот событий, нечто противоречащее логическому порядку вещей. Подобным «но» в трудной судьбе Константина Сергеевича явился его последний брак, заключенный им в 1980 году в возрасте 60 лет с 45-летней Алиной Ивановной Давыдовой.

Семейные отношения — штука тонкая. Вспомним Сергея Есенина: «Если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдешь». Посему для описания обстоятельств, сопутствовавших этому браку, воспользуемся свидетельствами очевидцев.

Из письма В. Титова — старого друга Константина Сергеевича: «Ловко Вас побили, Константин Сергеевич!.. Вы привыкли жить, как аристократ, отдавая лишь самому себе отчет в поступках и потраченных деньгах. И две Ваши прежние жены не очень контролировали Вас. Эта же заставит Вас отчитываться в каждой копеечке. Аппетит у нее большой... В этом браке Вы будете постоянно стыдиться за свою жену и приемную дочь, они вовлекут Вас в десятки разных конфликтов, поссорят Вас со всеми знакомыми и соседями. И не будет у Вас никакого выхода... будут вечные скандалы, вечный топ и гам. Камо грядеши, Константин Сергеевич?»

Из заявления Татьяны Сергеевны Есениной Прокурору РСФСР:

«Брат был инвалидом с 1969 года, страдал ишемической болезнью сердца и другими заболеваниями... К созданию семьи оба (Константин Сергеевич и Алина Ивановна.— В. В.) не стремились, брат был женат, Давыдова получала помощь от И. И. Арделиано (первого ее мужа.— В. В.), но постепенно стала требовать от брата оплачивать их связь, угрожая скандалами, которых брат, как инфарктник, боялся... Оказавшись в изоляции от близких и несмотря на предупреждения друзей, безнадежно больной К. С. Есенин зарегистрировал брак с Давыдовой в возрасте 60 лет весной 1980 года. Тем не менее вплоть до весны 1984 года брат жил вместе с С. М. Есениной (его вторая жена.— В. В.), которая продолжала ухаживать за ним».

С. М. Есенина: «Алина за ним не ухаживала. Он сам себе рубашки стирал... Когда он в больнице лежал при смерти, она почти не навещала его, а навещая, устраивала скандалы...»

А. А. Меркулов, ветеран труда, друг детства К. С. Есенина: «Эта женщина (А. И. Давыдова.— В. В.) его опутала. Заставляла его — кавалера трех боевых орденов — общаться с родственниками и друзьями только через нее. Совершенно не убирала в квартире, дом утопал в грязи. Мыла посуду только за собой... И мне, ближайшему Костиному другу, даже не сообщила о его смерти...»

Старые друзья семьи Есенина М. И. Малова и А. Т. Антоновская в 1986 году персонал больницы № 60 — лечащий врач Константина Сергеевича Уханов Б. Н., санитарка Жердева А. И. и другие с недоумением отмечали грубое и нечуткое отношение жены к тяжелобольному мужу. Профессор Гориловский рассказал, что в день смерти Константина Сергеевича Алина Ивановна была в палате часа два и состоялся очень тяжелый для больного разговор о даче — сердце Константина Сергеевича не выдержало. А после смерти жена даже не пришла узнать, что случилось. «Такого еще никогда не было в истории больницы»,— сказал врач Уханов Б. Н.

Как только перестало биться сердце Константина Сергеевича, Алина Ивановна разворачивает настоящую борьбу за право распоряжаться его наследством, ценность которого она хорошо понимает. Перво-наперво она селится на даче в Балашихе, где Константин Сергеевич хранил свой футбольный архив, запрещая появляться там всем ближайшим родственникам покойного. На похоронах, к ужасу очевидцев, она отталкивала от гроба отца Марину Константиновну: «Здесь родственники, а ты куда прешь?»

Поскольку покойный не успел оставить завещания, то, по закону, лица, имеющие права на наследство, не ранее чем через полгода после смерти могли начать распоряжаться им. Алина Ивановна не стала выжидать полгода. Она приглашает на дачу спортивных журналистов, показывает им футбольный архив мужа и дает понять, что готова продать его. С одного из покупателей требует непомерную сумму за подшивку газеты «Красный спорт», угрожая, что, если он не согласится, она продаст все некоему товарищу из Баку, который готов заплатить любые деньги. В конце концов он приобрел у «безутешной» вдовы реликвий на сумму около тысячи рублей. А ведь были и другие покупатели...

Та часть футбольного архива, что не заинтересовала журналистов — газеты, журналы, письма, была Давыдовой попросту выброшена. Я сам видел, как громадные кипы бумаг догнивают на даче в старом полуразрушенном сарае.

Распродажа футбольного архива была лишь началом широкомасштабной операции. Основной целью Алины Ивановны являлся, конечно же, семейный архив, который Константин Сергеевич бережно хранил в своей квартире на Щербаковской улице.

В январе 1987 года Алина Ивановна делает ход конем: она пишет в 1-е отделение милиции города Балашихи заявление о том, что «ее» дача была ограблена, причем наряду с носильными вещами воры похитили «ценные документы 20—30 годов». Дело принял к производству старший оперуполномоченный уголовного розыска А. Е. Чуриков. В течение нескольких дней он установил, что семейный архив 20—30-х годов никогда не вывозился на дачу. Утверждения Алины Ивановны о том, что она вывезла семейный архив из-за ремонта московской квартиры, также не соответствовали действительности. Ко всему Александр Евгеньевич узнал о фактах продажи предметов из футбольного архива. Дело принимало нежелательный для Давыдовой оборот. Опасаясь разоблачения, Алина Ивановна через 10 дней отзывает свое заявление под тем предлогом, что писала его в состоянии прострации и беспамятства... Не удалось ей инсценировать кражу, одним махом прибрав к рукам весь семейный архив, с которым, по всей видимости, она намеревалась поступить так же, как поступила с футбольным, то есть продать...

Какова же ситуация в настоящее время? Продолжаются бесконечные суды М. К. Есениной и А. И. Давыдовой, пишутся заявления. Алина Ивановна, ретировавшись с дачи, забаррикадировалась в квартире на Щербаковской и на все вопросы и запросы о судьбах семейного архива отвечает: «Ничего не знаю. У меня ничего нет...»

...Я в Балашихе, на даче Мейерхольда. Здесь все дышит прошлым. Вот остатки французского стекла на веранде, ее стеклил сам Всеволод Эмильевич. Вот руины гаража, где некогда стоял мейерхольдовский «Форд». Вот цветочная клумба, куда Зинаида Николаевна Райх высаживала цветы, преподнесенные ей после спектаклей.

На втором этаже — «апартаменты» Константина Сергеевича. Выцветшая афиша чемпионата мира по футболу 1974 года, в кладовке чудом уцелевшие после налета Алины Ивановны стопки журнала «Огонек» со Сталиным, Хрущевым, Брежневым на обложках. Бродя по даче, как бы соприкасаешься с самим временем...

Меня встречает Татьяна Сергеевна Есенина. «Девушка с синими кругами под глазами» — так называл ее Сергей Эйзенштейн. Несмотря на свои 70 лет, дочка великого поэта и Зинаиды Райх сохранила стройность фигуры и полную ясность мысли. Подумать только, сколько пережила эта хрупкая женщина! Уход из семьи отца, арест отчима в 1939 году и через месяц — злодейское убийство матери, по сей день остающееся нераскрытым... Неторопливо стряхивая пепел с папиросы, Татьяна Сергеевна рассказывает, как скрывала в годы культа личности театральный архив Мейерхольда, как, рискуя жизнью, вместе с Эйзенштейном спасала его от людей Берии. Во многом благодаря ее мужеству основную часть архива Мейерхольда удалось сохранить. Тем более невероятным представляется факт, что сейчас — в мирное, спокойное время — под угрозой находится семейный архив Есенина — Райх — Мейерхольда.

Когда наша архивная история уже была подготовлена для печати (Алина Ивановна от встречи с автором уклонилась), стали известны некоторые новые факты.

Во-первых, в Центральном государственном архиве РСФСР основан фонд К. С. Есенина, распорядителем которого стала... нет, к счастью, не Алина Ивановна, а Марина Константиновна. Основать-то его основали, да вот только содержимое фонда оставляет желать большего: какие-то разрозненные, отрывочные документы... Это неудивительно, если вспомнить тот титанический разрушительный труд, который проделала с бесценными документами Алина Ивановна.

Впрочем, почему «проделала»? Продолжает проделывать!

Недавно установлено, что стихотворение С. Есенина «Мой путь» с авторской правкой попало к случайным людям. Марине Константиновне пришлось перекупать(!) эту реликвию у проходимца-коллекционера за весьма кругленькую сумму для передачи в ЦГАЛИ.

А тут еще в Белграде в издательстве «Свобода» вышла книга «Среди Есениных», изобилующая грубейшими ошибками. Мейерхольд в ней назван отчимом Сергея Есенина, Марина Константиновна — племянницей своего отца, а Алина Ивановна — снохой поэта. Материал для книги помогала собирать — кто бы вы думали? — Алина Ивановна!

Вот что происходит, когда расхищаются архивы, когда ценнейшие документы уходят из рук специалистов и попадают к дилетантам! Того и гляди выйдет где-нибудь в Верхней Вольте монография, в которой Алина Ивановна будет выступать прообразом Анны Снегиной. А что? Имена почти совпадают...

Наша архивная история подошла к концу, хотя окончательную точку в ней сможет поставить только суд. Хочется верить, что его решение поможет многострадальному архиву стать достоянием народа.

— По-моему, многовато цемента в трубу вылетает...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Савва ТАРАСОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНОНИМЩИКУ

Анонимщик — питекантроп, выродок,
составлял мозаику из выдумок.
Анонимщик так меня не жаловал,
что конца не видно было жалобам.
И в газеты он писал, и в органы...
Все им были до смерти задерганы.
Всех друзей моих окрасил в черное:
мол, держися, братия ученая!
И жену мою припутал, бедную...
И готов был песню петь победную,
радуясь, что каждою «реляцией»
над моей глумится репутацией.
Но не ставил имя — в пору гласности
соблюдая меры безопасности.
Что же, признаюсь без самомнения:
он и впрямь нанес мне оскорбление.
Оскорбил не мужа, не товарища,—
в этом разбираюсь я пока еще,—
не литературного работника...
Нет, обидел он во мне охотника.

Наш мужской закон веками выстрадан:
мы медведя будим перед выстрелом.

ЗАСТОЙНОЕ РЕТРО

Как мы любим рукоплесканья!
Хоть и слышим одно и то же:
те же щедрые обещанья,
те же грозные нареканья...
Наизусть их знаем, а все же
на балконе, в партере, в ложе
не жалеем свои ладоши.
Раздаем,
подобье ренты,
громовые аплодисменты.
После выспренних деклараций,
после искренних слов — тем паче
мы заходимся от оваций,
мы не можем уже иначе.
Нам честнее бы стать и строже,
нам подумать бы на досуге,
поразмыслить бы: отчего же
так неистовы наши руки?

Назовем же черное черным
и, естественно, белое белым.
Отзвучать бы речам никчемным,
а рукам бы...
занятъся делом!

КУРОРТНОЕ

Здесь зима не щеголяет в инее
и дождями осень не шуршит...
Просто называют их по имени,
ну, а так никто не различит.
В детстве бредил я такими странами,
на тепло и холод мир деля.
Мне казалось: за путями санными
и лежит волшебная земля.
Утомленный долгою порошею,
запертый метелями в дому,
я махал озябшею ладошкою
сказочному миру своему.
Горевал: зачем же здесь родился я?
Мне б среди тропических широт...
Вот мечта сбылась, и убедился я:
жизнь лишь там, где родина живет.
Я брожу по паркам, в море плаваю,
как друзья велели и родня.
Вечерами говорю со славою
после экзотического дня.
Сыт по горло пальмами и розами,—
на черта мне эта красота?
Захлебнуться б нашими морозами
И — не уезжать бы ни-ку-да.

* * *

...И вроде бы гости бывают,
и родичи не забывают,
и шутки и тосты нередки...
Так что же мне тесно, как в клетке?
Ночами, как в детстве, летаю
и крыльями небо латаю...
А утром проснусь, и — все та же
сверлящая мысль о пропаже.
Ищу день и ночь, где попало,
не зная, а что же пропало?
Весь дом, как сплошная таможня.
Послушайте, разве так можно?
В сердцах опрокинул чернила...
Вот тут-то меня осенило,
кого мне давно не хватает —
той
что над стихами витает.

Перевела с якутского
Инна КАШЕЖЕВА.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

СЕАНС ТЕЛЕПАТИИ

Говорят, что когда человек мыслит, он излучает радиоволны, и, если потренироваться, можно научиться принимать эти сигналы и читать мысли на расстоянии.

Мы будем проводить сеансы телепатической связи с руководством предприятий, учреждений, ведомств. Это оперативный способ связи, исключающий любые бюрократические рогатки. Тематику этих контактов подскажут письма наших читателей.

В свою очередь, мы постараемся передать своим партнерам по сеансам некоторые полезные рекомендации, могущие помочь им в работе.

Материалом для первого из таких сеансов послужили письма читателей из пос. Мирный и совхоза Селихово Торжокского района Калининской области С. Козырева, С. Дуненкова, В. Ревкова.

Суть вопроса. В старинном городе Торжке, на берегу не менее старинной речки Тверцы удобно расположились городской канализационный коллектор и водосброс местного мясокомбината.

И тот, и другой периодически по причине ветхости своего состояния изрыгают в тихую, безответную Тверцу неочищенные воды, медленно, но верно преобразующие речку в сточную канаву.

Руководители Торжокской санэпидстанции регулярно контролируют воду и охотно предупреждают местных жителей о возможности при купании в такой воде прихватить дизентерию, гепатит или брюшной тиф. Но никак не могут заставить городские власти привести в порядок коллектор и водоочистку на мясокомбинате...

Итак, внимание! Начинается первый сеанс телепатической связи! Настраиваемся на волну мышления руководителей Торжокской санэпидстанции. Вот о чем они думают: «Мы свое дело сделали: взяли пробы воды, исследовали. Гадость, конечно, изрядная. От такой воды не только рыба дохнет, но и людям не поздоровится. Надо предупредить купальщиков. Пусть знают, что мы не сидим без дела, беспокоимся о здоровье населения. Правда... все эти стоки пойдут вниз по реке, мимо деревень и пионерлагерей до самой Волги, но это ведь уже не наш район...»

Сосредоточившись, посылаем свой ответный телепатический сигнал руководителям Торжокской санэпидстанции:

Товарищи санврачи! Вместо равнодушного взирания на то, как нерадивые хозяйственники отравляют воду и людей, употребите наконец власть, которая у вас есть!»

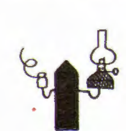
Теперь обращаемся к письму нашего читателя М. Исаева из села Тиви Кварельского района Грузинской ССР.

Суть вопроса. В селе барахлит электроснабжение. Необходимо реконструировать электросеть и построить новую линию электропередачи. Кварельские райисполкомовцы обещали жителям сделать это еще в прошлом году, что было подтверждено и письменным сообщением в редакцию. Но ничего сделано не было...

Что ж, попытаемся уловить ход мысли райисполкомовцев: «Пишут, значит, жалуются. Пообещаем, чтобы отстали, а редакции сообщим, что сделаем. Авось к делу подошьют наш ответ и забудут. А селяне перебьются. Керосиновые лампы есть, керосин тоже. Так что, без света не останутся...»

Не правда ли, очень понятные размышления? Принято безо всяких помех. Теперь посылаем ответный мысленный сигнал:

«Товарищи районные руководители из Кварели! Как у вас насчет перестройки стиля работы? А что, если попробовать выполнять данные обещания?»

Вызываем на сеанс телепатии дирекцию Кизлярского консервного завода, что в Дагестанской АССР. К этому побудило нас письмо читателя И. Гедза из поселка Засопка Читинского района Читинской области.

Суть вопроса. В Читинском коопторге И. Гедз купил банку «Каши ячневой с говядиной» производства Кизлярского консервного завода по договорной цене. Засохшая каша приобрела твердость гранита, и потому извлечь ее из банки оказалось возможным лишь с использованием слесарного инструмента. При беглом осмотре говядины в банке обнаружено не было. Зато имелся в наличии... песок. Каша к употреблению не годилась...

Начинаем сеанс телепатии с заводчанами из Кизляра. Принимаем радиоимпульсы их размышлений: «Далека Читинская область! Этим и прекрасна! Сбагрили мы туда партию нашей каши, и никаких забот. План выполнили и договорные поставки. Ну, вскроют потребители баночки, поругаются, выбросят содержимое, но это уже их дело. Деньги-то плачены...»

Видите, как несложно порой чтение мыслей на расстоянии! Немедленно посылаем ответный импульс:

«Товарищи кизлярцы! Если Читинская область откажется от ваших невкусных поставок, расхлебывать эту несъедобную кашу придется вам самим в условиях самофинансирования и самоокупаемости... Как поняли? Прием!»

На этом заканчиваем первый сеанс телепатии. До новых встреч!

Дежурный телепат Н. РЫНДИЧ.

Рэм ПЕТРОВ

Счастливые Исполины

В нашей стране, товарищи, нет Музея плаката.

Во многих странах есть, а вот в СССР — нет. Конечно, это не самая жгучая проблема, да и главная жизнь плаката проистекает на улицах и площадях, а не в музейной тиши.

И к тому же сейчас все наше плакатное достояние рассеяно по перекресткам и паркам, по стенам цехов и институтов, по прилавкам книжных магазинов и киосков — чем не гигантский музей с тысячами филиалов и запасников?

И, между прочим, иногда кажется, что многие и многие наши плакаты могли бы быть соединены в неких пусть и условных, но легко узнаваемых залах. Пройдемся по ним.

Итак, вообразим традиционную табличку с надписью «ВХОД», а сразу за нею* —

Зал Счастливых Исполинов

Это огромный зал. Многочисленные герои этих плакатов, близнецово похожие друг на друга, сильны духом и телом. Они очень счастливы и очень мускулисты, эти ребята, хотя, несомненно, их главная сила в стотысячных тиражах (в связи с чем количество Счастливых Исполинов существенно превышает численность населения в СССР) и неоспоримости лозунгов, построенных по принципу «Ура!». У ребят пламенный взгляд, рты открыты в не менее пламенном призыве, и удивительно, что не горит и даже не тлеет бумага, несущая такую пламенность. Эти нетленные шедевры неотвязно напоминают о временах, когда многим бы хотелось видеть советских людей красиво, надежно и безоглядно вкалывающими, забывающими о том, что правило «чем лучше работаем, тем лучше живем» имеет, как ни странно, и обратную силу. Внешностью напоминающие нечто среднее между Давидом Микеланджело и культуристом Арнольдом Шварценеггером, а аккуратностью прически — неувядаемого Льва Лещенко, Счастливые Исполины сделали свое дело. Ныне в числе тех, кто приобретает плакатную продукцию, в основном обремененные традиционной необходимостью агиткабинеты, где плакаты складируются до получения следующей порции, и охочие до сувениров иностранцы, весело и пачками скупающие экзотическую наглядную агитацию.

Зал Красных Кулаков

Предыдущий зал органически переходит в следующий, где мы можем насладиться решимостью расправиться со злом любого масштаба при помощи универсального средства — Красного Кулака (речь идет не о перевоспитавшихся врагах народа периода тотальной коллективизации, а о частях тела Счастливых Исполинов). Кулаки обычно сжимают и ударяют разные нехорошие объекты — будь то злобно-дегенеративного вида несун или ракеты с ядерными боеголовками. Справедливости ради отметим, что не все кулаки красного цвета, но зато обязательно все — правые*. Здесь царит уверенность, что любую проблему можно решить кулаком должного размера.

Зал Напоминаний

Эту галерею можно было бы спутать с Залом Счастливых Исполинов, если бы не существенный признак — здесь все персонажи выполняют особую миссию. Они наглядно демонстрируют забывчивым, видимо, гражданам образцы различного рода документов — от приглашения на учебу в ПТУ до материалов партийных съездов; один из плакатов, например, напоминает о существовании в нашей стране Конституции. Нет нужды говорить о том, что для демонстрации Исполины используют правую руку, хотя для зрителей-левшей следовало бы печатать мелкие дополнительные выпуски в зеркальном изображении.

...К сожалению, за недостатком места в журнале мы не имеем возможности продолжить экскурсию по нашему антимузею. В нем, конечно, еще немало интересных залов. В Международных, например, отыщется великое множество голубей, использованных как детали металлоконструкций, детских игрушек и даже человеческих тел. Великий Пикассо, рисуя свою Голубку, и не

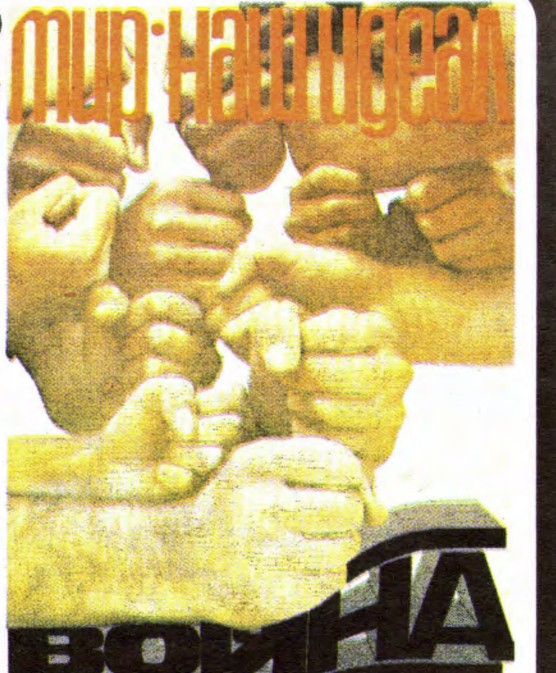
См. стр. 16.

* Все использованные плакаты — выпуска 1985—1988 гг.

* Иногда все же художники ошибаются. См., например, верхний правый плакат: вторая снизу рука в левом нижнем углу — левая!

«ТАКОЕ ИЗ-ПОД ПЕРА ВЫЙДЕТ...»

В то время, когда вся прогрессивная общественность нашей страны боролась против поворота северных рек, группой ответственных лиц было совершено куда более страшное злодеяние, а именно: ПЕРЕБРОС великих сибирских рек — Иртыша и Енисея (Енисей был переброшен на место Иртыша, а куда переброшен Иртыш, пока не установлено)!

Приводим документальное подтверждение: «Из Тобола судовая рать вывернула в Иртыш, первую великую сибирскую реку (...). Пустыми были становища на енисейском *(разрядка моя.— А. У.)* берегу». Это, увы, не опечатка, а первый намек! А вот и второй: «В устье Иртыша стоит круглая гора, заросшая лесом(...) Потом... Курбский часто вспоминал торжественное воинское шествие на енисейскую гору...» И, наконец, «программное»: «Здесь был еще Енисей, великая река Обь открывалась дальше, за мысом, но уже видно было, как текут, не перемешиваясь, две речные струи, енисейская и темная, с синевой, обская». (Каргалов В. В. За столетие до Ермака. Воениздат, 1987, стр. 111, 113, 117, 127).

Совершенно очевидно, что «переброс» сибирских рек произошел не по недомыслию, а готовился долго и обстоятельно — с 1981 по 1983 год. Руководитель «преступной группы» В. В. Каргалов побывал за это время в МОСКВЕ — УСТЮГЕ — ТЮМЕНИ — ТОБОЛЬСКЕ — БЕРЕЗОВЕ — ПЕРЕДЕЛКИНЕ, о чем свидетельствует пометка в конце книги. Там же указаны и имена «соучастников»: редактора И. Ф. Петровой и корректора Л. Э. Ганненко.

Для расследования этого вопиющего географического беззакония мы решили обратиться к одному из лучших советских чекистов, майору КГБ Б. В. Ермолаеву (см.: Ю. Слепухин. Частный случай.— В сб.: Схватка, Лениздат, 1987). Но «майор Ермолаев пребывал последнее время в расстроенных чувствах» (стр. 124), потому что на этой же странице автор Ю. Слепухин при содействии очередной «преступной группы» (составители Б. М. Варфоломеев и Б. И. Иванов, редактор И. И. Слобожан, корректор Т. В. Мельникова) ни с того, ни с сего понизили его в звании до «капитана». Правда, через два абзаца его восстанавливают в звании, но на стр. 126 вновь разжалуют. На стр. 127 Ермолаев опять «майор», а через 14 строк у него снова «летят звездочки». На стр. 128... Впрочем, не будем перечислять всех мытарств злосчастного «капитан-майора».

Приведенные факты, на которые обратили наше внимание крокодильские читатели С. С. Тулин и Рачо Стоев из Софии, убедительно доказывают, что это уже «не частный случай», по определению Ю. Слепухина, а хорошо организованное и доходное преступное производство (обе книги выпущены тиражом 200 000 экземпляров!).

Но самое страшное заключается в том, что неопровержимо доказать чью-либо виновность в совершенных злодеяниях невозможно. У издательских групп имеется стопроцентное алиби: в то время, как творились беззакония в Сибири и Ленинграде, их ежедневно **видели** НА РАБОТЕ.

Авторы же в случае чего легко могут переложить вину на издательства и даже на идеологических диверсантов, о чем недвусмысленно намекает в своей повести (стр. 130) Ю. Слепухин: «С такими пообщаешься, черт возьми, и, глядишь, такое из-под пера выйдет, что Юлиан Семенов посинеет от зависти!»

Андрей УСАЧЕВ.

Татьяна ШАБАШОВА,
специальный
корреспондент Крокодила

ВСЕ ЛУЧШЕЕ — БЕРЕЗЮКУ!

Поразительным свойством обладает незатейливое слово «котлета». Соседствуя с прилагательным «домашняя», «мамина» или «бабушкина», она вызывает мощный рой положительных эмоций — улыбку, слюнотечение, желание назвать себя ласково «котлеткой», обонять, смаковать...

Но та же «котлета», только спаренная с понятием «казенная», «покупная» или, что еще хуже, «школьная», то есть состряпанная для питания школьников, вызывает резко противоположную реакцию: антипатию, брезгливую гримасу, горловую спазму. Действительно, худосочный, бесцветный комок, прильнувший к кучке бледных холодных макарон или синюшного пюре, не может вызвать ничего, кроме отвращения. Эти навязающие в зубах фабрикаты общепитской кулинарии, как правило, остаются нетронутыми на тарелках, а школьники голодными. Не у всех ведь есть домасидящие бабушки со своим добрым, вкусным и свежим домашним кушаньем, и эта скромная трапеза на большой перемене для многих ребят — единственная возможность подкрепиться в течение дня. Если же учесть, что на голодный желудок знания усваиваются намного хуже и что дурная пища губит здоровье ребенка, то со всей остротой вопиет вопрос, как могло случиться, что при всей нашей всенародной любви к подрастающему поколению, при лозунге «ВСЕ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ!» школьное питание могло докатиться до таких ужасающих низин? Пообщайтесь с папами-мамами школьников, они расскажут много чего захватывающего о том, как, оберегая детские желудки, им приходится бросать работу, как вместо отдыха возить мини-язвенников на лечение в Евпаторию и, наконец, какими недетскими словами награждают школьную пищу сами малолетние едоки.

Судебное дело в городе Сумы заварилось вокруг школьных столовых. Не будем уточнять, что в этих храмах питания скармливали «цветам жизни», но для многих из них это на долгие годы обернулось язвами, колитами и прочей желудочно-кишечной маетой.

Перед судом — главный «кормилец» Ковпаковского района В. Д. Березюк. Валерий Дмитриевич не новичок в общепите. С 1978 года он у котла — администрирует в ресторанах. Из ресторанных сфер перемещается в кресло зав. столовой пединститута. За умыкание с вверенной ему кухни и продажу на сторону мешка гречки (50 кг) понижается в должности. Понижается более чем оригинально! Гречневого негоцианта с насквозь промоченной репутацией назначают... заместителем заведующего дирекцией Комбината школьного питания! В замах Березюк долго не задерживается и пересаживается на трон зава. Отныне ему подвластны все столовые школьного питания (ОДИННАДЦАТЬ!), а также других учебных заведений, лотки, магазин «Кулинария» и многие другие доходные точки.

Упоение властью — сокрушительная сила! Вызываешь ты, властелин, на ковер, к примеру, зав. основным — мясным — производством, снабжающим все школьные столовые полуфабрикатами, Е. А. Цинделиани. И грозная эта дама стоит перед тобой и, как листик, трепещет. В возглавляемом ею цехе воровства и разных безобразий видимо-невидимо. Березюку они видимы. Но могут быть и не видимы. То есть он может их не заметить. При одном условии, конечно, о котором вслух не говорят, но тихо вкладывают в карман...

— Па-а-ч-му до-п-скаете несвоевременное приходование товаров? — гремит Берюзюк на подчиненную.— Па-ч-му в да-а-кментах исправления?! А? Три-нац-цать накладных без подписей!! Без-зобразие! Пошлю картошку чистить! Полы мыть!! Выгоню!!!

Но ведь и Елена Александровна не вчера родилась и не с облачка свалилась. Она знает цену начальственному гневу — пара-тройка зелененьких. Это знание, накопленное за годы вращения в торговле, еще ни разу не подводило. Не подвело и на этот раз. Регулярные похрустывания в березюкском кармане делали свое дело: бескомпромиссный мягчел на глазах. Он уже не угрожал посылом на мытье полов или чистку картошки, не замечал таких «шахер-махеров», как привоз в школьные столовые не полуфабрикатов, как положено, а сырья, нередко с тухлинкой, которое документально оформлялось как полуфабрикаты (а изготовление полуфабрикатов идет в выполнение плана собственной продукции основного производства, а значит, и начисление необоснованной заработной платы работникам и лично Е. А. Цинделиани), не замечал, что из этого сырья с тухлинкой варилось и предлагалось детишкам.

Воровали по-крупному и по мелочам. При первом же самом поверхностном обследовании только одной столовой городская прокуратура обнаружила у поварихи в сумке бидон сметаны, в укромном закутке припрятанные 15 килограммов фарша, который прогнил, и его местонахождение определили по аромату. Сгинули полуфабрикаты и огурцы, что не помешало им красоваться в меню как якобы имеющимся в детском рационе. Другая повариха припрятала для себя эти огурчики, а рабочая загребла целый косяк рыбы. Еще одна деятельница скрыла от посторонних глаз (и от детских ртов!) 20 кг сосисок... Мясо, масло, крупа, мука, томат, жир — все прилипало к нечистым рукам, от 30 до 70% недовложений обнаружено в каждом блюде.

Обкрадывание школьных столовых Березюк поставил на солидную, деловую ногу: проштрафилась — или будешь выгнана, или переведена в судомойки! Ах, не хочешь в судомойки, раскошеливайся! И раскошеливались многие. Зав. производством столовой школы № 18 Шмонов аж костюм модный приподнес Березюку, а кормилец школы № 25 на суде рассмешил публику россказнями, будто давал продукты и деньги «в долг»!

За энную сумму Березюк разрешает зав. производством столовой школы № 8 Трипольской махнуть на курорт. Отпуск ей в это время был не положен. И Березюк издает фиктивный приказ о «переводе» повара Трипольской в столовую школы № 18 — якобы «бросает» ее на прорыв. И велит Шмонову — а услужливый Шмонов выполняет! — проставлять ей в табеле рабочие дни. Курортница возвращается, получает зарплату(!) и отдает ее Березюку всю, до последней копеечки. Как и было договорено.

С Трипольской у Березюка установились, так сказать, мефисто-фаустовские отношения. Босс, аки мефистофель, ежедневно самолично являлся в ее кухмистерскую вроде бы проследить за закладкой продуктов, произвести — одному или с приятелем — дегустацию. «Фаустиха» колдовала над отдельными кастрюлечками, снимала для начальника сливки и пенки, старалась, чтобы дух от общего котла не портил дегустатору аппетит. Случалось, что «мефистофелю» требовался сахар для домашнего консервирования, а в школу завезли два мешка. Без звука выволакивался из кладовой и отдавался любителю компотов мешок (50 кг). И мясца, и маслица, и колбаски заморской доставала Трипольская и преподносила начальнику. Преподносила с улыбкой, а он брал и спасибо не говорил, брал без денег, как должное. Не обходил вниманием и другие подведомственные ему кормушки.

На вопрос судьи, как потом в школах рассчитывались за эти дары, подсудимый с чарующей искренностью отвечал, что это ему не известно. На вопрос, не стыдно ли было объедать детей, не застревали ли в горле уворованные у детей продукты, с легким смущением отвечал, что нет, не застревали.

Но все эти неприятные вопросы звучали позже, на суде. А пока над его головой голубело, Березюк любил запросто с компанией коллег культурно отдохнуть. В машины загружали соленья, копченья, варенья, ящиками тащили сладость, крепость и прохладительность (благо в подчинении Березюка были точки побогаче школьных столовых) и выезжали на природу. Под музыку закусывали таким, чего не только в школьных столовках — в детских больницах не видывали никогда! Ели и переваривали с уверенностью, что именно для них, для березюков и К°, все лучшее, для их пищеварения все эти дефициты и деликатесы, ну и, конечно, для руководства, о котором тоже — потом! — говорилось на суде, что оно эти продукты уважает и принимает, но пока еще не поймано за руку.

Подивимся же тому, что нашли проверяющие, остановив утром 5 декабря машину, в которой ехал Березюк. После этого осмотра Березюк явился с повинной.

«При осмотре автомашины «Москвич-412», принадлежащей В. Д. Березюку (на вопрос судьи, откуда машина, подсудимый ответил, что ее ему подарили тесть и теща), обнаружено: масло крестьянское — 1 кг, шейка мясная — 3 кг 225 г, печенье «Целинное» — 9 кг, печень говяжья — 8 кг, икра зернистая — 2 банки, икра лососевая — 1 банка, конфеты «Птичье молоко» — 2 коробки весом по 700 г, сироп лимонный — 1 бут., консервы «тушенка» — 4 банки, мясо свиное — 2 кг».

Пять с половиной лет в колонии усиленного режима плюс конфискация всего личного имущества определил суд Березюку. Пять с половиной лет на то, чтобы отвыкнуть от изысканной икорной диеты и испробовать пищи из общего котла. Березюк — опытный дегустатор, сразу определит, что вложил, а что недовложил повар, готовя его, Березюка, трехразовое питание.

Предполагается, что, обдумывая на исправительно-трудовой коечке неправедное свое житье, Березюк уяснит наконец, что красть вообще нехорошо, даже очень плохо, но для того, чтобы обирать малолетних, загребать то, что предназначено детям, оставляя их голодными, надо напрочь растерять все человеческое.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЕЖКЕ

При Екатерине II из-за отсутствия у многих морских офицеров собственных мундиров они надевали в караульном помещении выдававшийся один на всех казенный мундир. Когда однажды комендант Кронштадта, осматривая перед приездом царицы гауптвахту крепости, увидел офицера — караульного начальника столь маленького роста, что рукава мундира мешали ему салютовать саблей, он немедленно заменил его другим офицером «сообразно мундиру».

ПОЭТ И КРИТИК

Дионисий, тиран сиракузский, послал Филоксена, критиковавшего его поэмы, работать в каменоломни. Продержавши его там некоторое время, он потребовал его во дворец и пригласил вторично выслушать свои стихи. Филоксен сначала слушал со вниманием, потом, поднявшись, вдруг направился к дверям. «Куда ты?» — спросил тиран. «Государь, я возвращусь в каменоломни»,— ответил тот.

«ГОРОДОВ НЕ ПОДЖИГАТЬ!»

Есть на севере Костромской области древний город Солигалич. В 1808 году случилось там такое дело. В праздничный день 30 апреля горожанка Марья Воронова зажгла свечу перед иконами, а сама пошла по делам к соседям. От оставленной свечи дом загорелся. День был ветреный — загорелись и соседние дома, а вскоре весь город. Сгорело 400 домов. Воронову арестовали по подозрению в поджоге. Начался допрос. Однако судьи вскоре убедились в необоснованности обвинения. Посоветовались и вынесли такое решение: «Дело прекратить, а мещанке Марье Вороновой внушить: впредь городов не поджигать».

«ЗАЧЕМ МНЕ АДВОКАТ?»

Работа основоположника русской физиологической науки И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» была напечатана в 1863 году в журнале «Медицинский вестник». Появление же ее в виде отдельной книги быстро сделало имя И. М. Сеченова близким всем передовым людям России и в то же время вызвало бурные протесты со стороны реакционных кругов. Против автора было возбуждено судебное преследование, а на книгу наложен арест.

Когда друзья И. М. Сеченова спросили его, какого адвоката он думает привлечь для своей защиты на суде, то, по словам известного публициста Н. Ф. Анненского, он ответил: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и проделаю перед судьями все свои опыты; пускай тогда прокурор опровергает меня».

Под запретом книга находилась больше года. Лишь боязнь, что меры, предпринимаемые против книги, могут усилить интерес к ней, заставила царскую цензуру разрешить выход труда в свет.

Сегодня трех близнецов («ССС») пестовали Ю. Золотов (Москва), Н. Каланов (Одесса), В. Новиков (г. Киров) и А. Рункин (Москва).

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок В. ДУБОВА.

— Пошел вон, подхалим! Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Нашему коллеге, белорусскому сатирику, главному редактору «Вожыка» Валентину БЛАКИТУ исполнилось полвека. В честь этого события помещаем дружеский шарж и торжественную оду.

Сегодня юбилеи не в почете,
Но ежели не лить зазря елей,
А славить юбиляра по работе,
Мне пó сердцу твой первый юбилей.

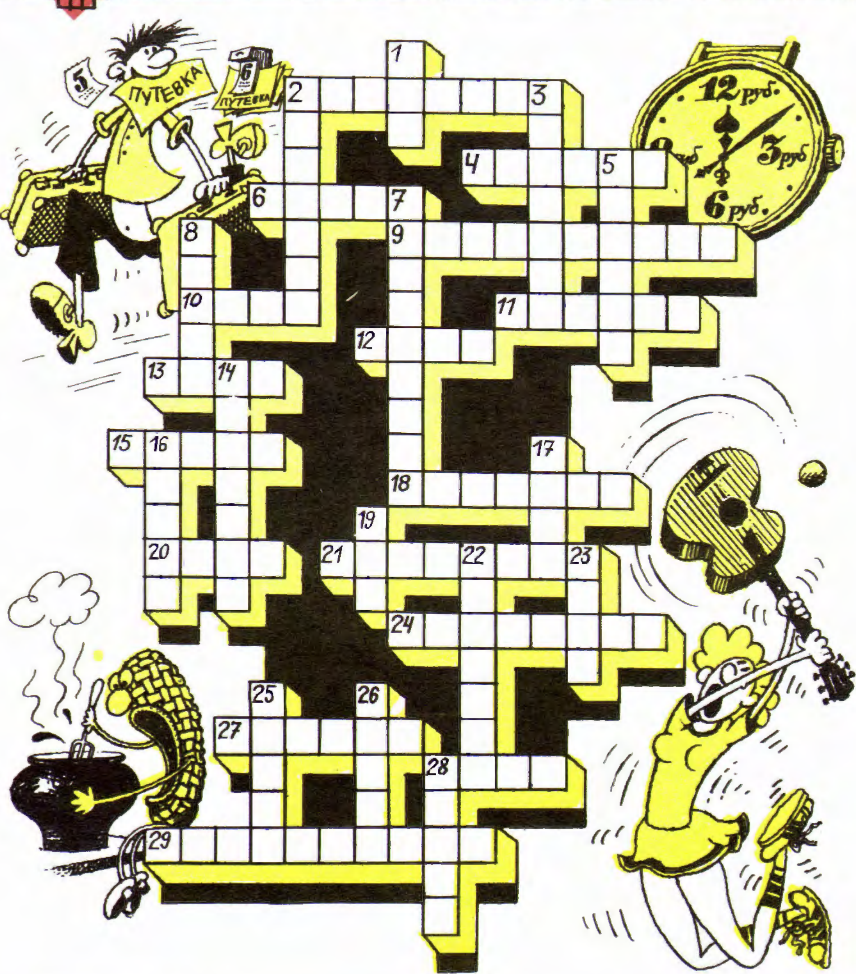
Ты с «Вожыком» открыл мне, что иные
Иголки позанозистее вил!
За вклад в систему иглотерапии
Сябру-собрату слава!

КРОКОДИЛ.

Дружеский шарж А. ГАРМАЗЫ.

КВК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Кривоногий хромой начальник. 4. Щихлебалка. 6. Человек, который каждый день едет по путевке. 9. Особа, которая существует за счет подношений. 10. Нежданная гостья, которая желает здравствовать. 11. Косой размер, который берется сплеча. 12. Хитрая выдумщица *(фольклорн.)*. 13. Гостеприимная нахлебница. 15. Деньги как форма существования материи. 18. Место положения материального фактора. 20. Виновники ограниченности лошадиного кругозора. 21. Оружие с обратной связью. 24. То, на чем джинсы держатся. 27. Завершение трансформации уз Гименея в оковы. 28. Место, где все шайки находятся на учете. 29. Человек, всегда приходящий на выручку.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Процесс, вызывающий глухоту и немоту. 2. Фирма, выпускающая продукцию на проигрыш. 3. Бросовая фраза. 5. Паравоз *(велосипедн.)*. 7. Человек, который все принимает как должное. 8. Место, в которое идем мы с пятачком. 14. Место, где все принимают за чистую монету. 16. Человек, который все вывозит на себе *(эксплуатат.)*. 17. Нежеланный посетитель посудной лавки. 19. Ротный мудрец *(стоматологич.)*. 22. Струнный инструмент *(спорт.)*. 23. Накладный материал *(мед.)*. 25. Сухопарая финка. 26. Фильмоскоп *(застойн.)*. 28. Королевский друг в бархатном кафтане *(муз.)*.

Составили М. МЕШМАН и А. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Оклад. 6. Провал. 9. Звание. 11. Директива. 12. Хам. 13. Ель. 14. Метро. 16. Анонс. 19. Товар. 22. Касса. 24. Гол. 26. Ива. 28. Секретарь. 29. Секрет. 30. Тюрбан. 31. Стена.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Лада». 3. Кресло. 4. Аптека. 5. Овал. 7. Распоряжение. 8. Лимит. 9. Звено. 10. Инсценировка. 14. Мост. 15. Рука. 17. Нога. 18. Сила. 20. Вылет. 21. Рекрут. 22. Картон. 23. Спирт. 25. Осел. 27. Вьюк.

"БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!.."

Владимир МОЛЧАНОВ

— Говорят, Владимир Кириллович, вас одолевают своими письмами поклонницы. Мечтают о свидании?

— Иногда. Но когда узнают, что я женат и у меня дочка, то сразу охладевают.

— Вы очень занятой человек, мы не могли вас застать ни до, ни после полуночи, ни по телефону, ни живьем... Вот и теперь звонили, звонили...

— О, извините, должно быть, я прикорнул на пульте в промежутке между вечерне-ночной передачей и предрассветно-утренней «120 минут» — и не слышал звонка!

— И мы прервали ваш краткий сон!.. Тогда последний микровопрос. Ваша непосредственная начальница — Иванова. С вами ведет передачу Сидорова. А есть ли еще Петрова?

— А как же! Наш специальный корреспондент. Но она в командировке.

Сон В. Молчанова прервала Т. ПЕШКОВА.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал А. Жевак, г. Казань.

«Для иных учителей и воспитателей весьма полезны экскурсии в психиатрическую больницу. Это резко ограничит их право называть своих учеников идиотами».

(Из выступления).
Прислал И. Волович,
Калининградская область.

«О грубости гражданки никто не говорил, а о грубости гражданки П. сказал свидетель лотерейного билета, который остался неоплаченным, но выигранным».

(Из объяснения работника сберкассы).
Прислал И. Чабанов,
г. Тихорецк.

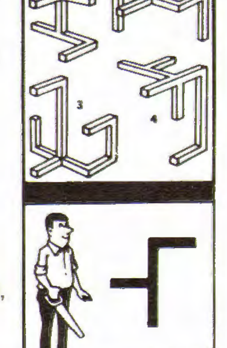

ШЕВЕЛИ МОЗГОВОЙ ИЗВИЛИНОЙ

— Вот тебе и раз! Задача сама просится в руки! — воскликнул Синицкий-младший, в очередной раз — по совету своего постоянного почитателя Игоря Акулича из Минска — перечитывая «Двенадцать стульев». Слова эти относились к третьей главе, в которой описывалось, как отец Федор, собираясь в дорогу, «...подошел к комоду и вынул из конфетной коробки 50 рублей трехрублевками и пятирублевками. В коробке оставалось еще 20 рублей».

— Я думаю, что наши дорогие читатели смогут определить, сколько трех- и пятирублевок отец Федор забрал и сколько их осталось,— заметил Синицкий,— если, конечно, полагать, что купюр иного достоинства в коробке не было. А чтобы обеспечить единственность решения, добавлю еще одно условие от себя лично. Будем считать, что отец Федор взял трехрублевок больше, чем их осталось в коробке, причем больше в целое число раз. То же самое относится и к пятирублевкам — изъято их в несколько раз больше, чем осталось.

А теперь постарайтесь помочь мастеру и определить, сможет ли хотя бы одна из четырех конструкций пройти через отверстие, изображаемое ниже?

И напоследок ответы.

В завершение «Подмосковного детектива» славный майор Пронин не только нашел девушку — хотя и запертую в сторожке, зато живую и здоровую,— но и обнаружил преступника. Им оказался Зуев. А на рисунке вы, дорогие читатели, вполне можете отыскать чайник (№ 4) — между картиной, висящей на стене, натюрмортом с яблоками, шляпой и мандолиной.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

АФГАНСКИЙ СЛОВАРЬ

Честно выполнив свой интернациональный долг, они возвращаются домой, к мирной жизни. Там, в Афганистане, они помогали народу соседней страны защитить завоевания революции, право на мирную жизнь. Их подвиги, их героизм никогда не забудутся. Ибо то была война.

Афганистан упорно ищет пути к национальному примирению, и мы верим, что найдет их.

Боевые будни наших воинов описаны в репортажах, повестях, романах. Рассказывал о них на своих страницах и «Крокодил». Сегодня мы публикуем заметки писателя Валерия Поволяева, неоднократно бывавшего в Афганистане.

Когда я читаю статьи об Афганистане, у меня всегда возникает внутренний протест против одной вещи: с чьей-то легкой подачи душманов стали называть духами. Дух да дух, и никак иначе. А у меня внутри все протестует, переворачивается: ну при чем тут дух и какой у бандита, у басмача может быть дух?

«Дух» — слово высокое, произносить его надо с выражением, как всякое иное высокое слово, парящее над землей, а тут им обозначили нечто низменное, пахнущее пóтом, злобное, чуждое: ну как можно душмана назвать прекрасным словом «дух»?

Об этом я спросил в Кабуле у ребят-десантников. Оказывается, душман — по их словарю — не дух, а душок. Душок, запашок, запах — дурной аромат, словом.

Афганистан выработал свою лексику, свой язык.

Вертолеты зовут вертушками, каждый конкретный тип вертолета имеет свое «афганское» наименование: большой беззащитный «Ми-шестой» зовут сараем, боевой «Ми-двадцать четыре» не только шмелем, как уже было обозначено в печати, а и крокодилом. «Ми-восьмой» — пчелой, оружие — металлом, десантников — полосатыми, пехоту — красными либо солярой, пехота на соляру, кстати, обижается, тревогу — желтым свистком, самолеты, на которых возят погибших,— черными тюльпанами, автоматы — железом, бронетранспортеры — бетрами.

В общем, у наших ребят в Афганистане — свой язык, особый, ни с чем не сравнимый, ни на что не похожий, одни относятся к нему с пренебрежением, отрицательно, другие с симпатией. Но из песни слова не выкинешь, нельзя его выбросить и из жизни.

Сидели мы в штабе десантной части с подполковником Валерием Оришкевичем, только что пришедшим «с войны», говорили об афганском словаре. Кстати, вот вам еще один пример словаря — любая операция по очистке кишлаков от бандгрупп называется войной, коротко и ясно, ничего добавлять не надо. И я спросил у Оришкевича, почему именно, как, по какому принципу родился этот вроде бы тарабарский, но ставший в Афганистане таким привычным язык.

Оришкевич — нескладный, длинный, худой, десантная форма на нем висит, а не сидит, с грустным светлым взглядом, но очень подвижной, мудрый, остроумный, по любому поводу у него есть свое суждение, часто очень неожиданное, объяснил появление афганского словаря так:

— Представь себе, по радио я получаю донесение — закодированное, как, естественно, и положено, сплошные цифры, ничего в них не разобрать, не видно — все в тумане. Допустим, донесение выглядит так: «143 26 64 61 228 45 196 105 92 77»*. Понятно хоть что-нибудь? Мне, например, ничего не понятно, и я лезу в сумку за кодовой тетрадью — надо же расшифровать это узелковое письмо. Чертыхаюсь, плюю на пальцы, старательно расшифровываю. А время-то идет. Может быть, кому-нибудь из моих ребят в эти минуты на горло наступают ботинком, а я тетрадь слюнявлю, упускаю время. И хорошо, если донесение оказывается пустяковым, а если оно серьезное? Про-бле-ма! Вот сообразительный народ и заменил цифирь разными словами — появились кульки, карандаши, металл, слоны, сараи и пинцеты.

— Хорошо, а на деле что значило то донесение? С цифрами 143 26 64 и так далее — все не запомнил.

— Обычный доклад. Ну, к примеру: «Нашел склад, течека. Взял четыре Дмитрий-Шура-Константин и два Зинаида-Григорий-Ульяна...»

Дмитрий-Шура-Константин — это крупнокалиберный пулемет ДШК, у душманов он китайского производства, очень зловредный, а Зинаида-Григорий-Ульяна — зенитная горная установка — тоже штучка такая, что под огонь лучше не попадать. Стоит на трех лапах, ствол задран вверх, имеет специальное сиденье для стрелка.

...Разведчики курили под навесом, забранным пятнистым маскировочным пологом. Странное дело — под этим дырявым, связанным из нитей пологом было прохладно, хотя рядом, совсем рядом солнце жарило так, что невозможно было высунуться, открытое пространство ошпаривало огнем, на коже вздувались пузыри. Недавно разведчики вернулись «с войны», поменяли выгоревшую, белесую форму на новенькую, отутюженную, на хлопчатобумажные десантные куртки нацепили значки и повесили колодки медалей.

— Хор-роши гвардейцы! — не удержавшись, восхитился Оришкевич, поцокал языком. В нем было что-то от мальчишки, в подполковнике Оришкевиче — от этакого школяра, всегда готового схулиганить, забраться в чужой сад за яблоками, спеть что-нибудь соленое, прокукарекать, сплясать, выдать на-гора частушку, от которой задрожит земля.

— Кто из вас, гвардейцы, способен рассказать что-нибудь такое, про что я, тертый калач Оришкевич, заявлю: «Быть такого не может! Не верю, мол!» Сумеет ли кто-нибудь, а? — Оришкевич загнул крючком указательный палец, показал его разведчикам: — Такое вот, а?

Гвардейцы начали старательно раскуривать по новой сигарете — предложение подполковника было неожиданным.

— Хор-роши гвардейцы! — снова не удержался Оришкевич.— А где ж аксельбанты? — спросил он. И ко мне: — Мечта всякого десантника — накрутить такой аксельбант, чтобы он имел полпуда веса и плечо перекашивал. Крутят аксельбанты орлы, естественно, втихую, проходят местную таможню, где больше интересуются гранатами — не позволит ли кто лимоночку, чтобы у себя дома, в реке глушануть рыбу, чем аксельбантами, а в Ташкенте гвардейцы навешивают их так густо, что мозги у девочек сразу набекрень делаются — с генералами, мол, судьба их сводит.

Себе я тоже аксельбант, пожалуй, закажу, сюда вот! — Оришкевич хлопнул себя по правому плечу, засомневался: — На этом плече аксельбант носят или на этом? — хлопнул по левому плечу.

Десантники снисходительно усмехнулись. Подполковника Оришкевича они любили. За то, что он с ними был ровня — на «войне» ел из одного котелка, так же тянул лямку, пускал одну сигарету по кругу — так одну и высмаливали до фильтра; когда пахло жареным, не прятался за чужие спины, жарился вместе со всеми — подполковник был своим, таким же солдатом, как и они. Только старше возрастом и званием.

Первым поднялся смуглый разведчик с жгуче-черными глазами:

— Ефрейтор Иванов, из Белоруссии.

— С Каххаровым дружил?

Каххаров — это разведчик, который недавно подорвался на мине, тяжело ранен, сейчас находится в Москве, в госпитале, учится ходить на протезах.

— Дружил.

— Письма пишет Каххаров?

— Пишет.

— Где они?

— Нет их, товарищ подполковник. Письма сжигаем.

Вот она, жестокая реальность войны: письма с собою на боевые не берут, их негде оставить — уйдут разведчики, на освободившееся место прибудет новая смена — отдых тут короток, и эта смена скоро уйдет на боевые — негде хранить письма, поэтому их сжигают. Так повелось.

Оришкевич потупился, будто был в чем-то виноват: каждый раз подобные сообщения у него вызывают внутреннюю неловкость, даже боль, от которой и губы способны задрожать, и глаза сами по себе ускользнуть в сторону, поскольку на них обязательно наворачивается нечаянная, нежданная и негаданная влага, а на затылок словно бы чья-то чужая рука ложится — хотел вызвать ребят на шутку, веселую откровенность, а вместо этого столкнулся с совсем невеселой деталью войны.

— Ну кто все-таки расскажет что-нибудь такое, о чем я, старый хрыч Оришкевич, заявлю: такого не бывает, а? — повторил свой вопрос подполковник.— Ну-ка, товарищ ефрейтор, давайте-ка вы к микрофону.

Поднялся спокойный, синеглазый, смущающийся, словно девушка, ефрейтор с короткой прической. Представился: Анатолий Палочкин.

— Зашли мы как-то в кишлаке в мечеть, смотрим, там человек на коленях стоит, аллаху молится. В носках. Рядом — ботинки и ручной пулемет. И еще лифчик лежит. (Лифчик — это жилет с гранатами и запасными обоймами.) Спрашиваем: ты кто? Я, говорит, учитель. В Джелалабад иду преподавать. А пулемет, спрашиваем, твой? Нет, говорит. А ботинки? И ботинки, говорит, не мои. Оставил кто-то другой. Так и ходишь, спрашиваем, без ботинок? Так и хожу. А носочки-то — чи-и-истенькие!

— Знаю я об этом случае,— вздохнул подполковник Оришкевич.— Увы. Мы одного басмача даже из навоза вытащили, встряхнули его как следует, а он и говорит: садовник я, садовник... Действительно, в навозе с головы до пят. Но какой он садовник, когда у него руки насквозь пропитаны машинным маслом? Нет в вас фантазии, товарищ ефрейтор, хотя и воюете вы хорошо. Следующий!

Следующим был Дмитрий Мостовой.

— Ну а вам что запомнилось?

В ответ молчание, Мостовой не из тех, кто любит говорить, слово лишнее у него ни за что не выдавишь! Посмотрел Мостовой в сторону, вопросительно приподнял плечи.

— На Мангаль-Хулу приходилось лазить?

— Два раза.

Опытные альпинисты тратят на такую вершину, как Мангаль-Хула, четверо суток, идут с двумя промежуточными лагерями, а ребята-десантники отводят себе всего-навсего девять часов.

— Ну и что на Мангаль-Хуле? — пытал Оришкевич молчаливого Мостового.— Что там нашли в первый, к примеру, раз на высоте четыре тысячи девяносто один метр? — Оришкевич знал даже высоту Мангаль-Хулы, похоже, что сам там бывал.

— Газету «Красная звезда» трехдневной давности.

— До вас туда никто не ходил?

— Никто.

— И следов никаких не было?

— Нет.

Оришкевич невольно почесал затылок.

— А во второй раз что нашли?

— Журнал «Советский воин».

Оришкевич, сомневаясь, покачал головой:

— Чего-чего, а такого не бывает. Ну а еще что, товарищ бывалый гвардеец, можете рассказать? — Подполковник явно старался разговорить Мостового, вывести из привычного состояния, и вообще он, подполковник Оришкевич, знал нечто такое, чего не знал ни я, ни разведчики.— А ты, Мостовой, я смотрю, все-таки умеешь иногда говорить.— Подполковник перешел на «ты», он давно знал этого солдата.— И недурно. Напрасно тебя считают молчуном, ой напрасно.

— Еще подрыв в «полтиннике» был, товарищ подполковник.

— Ну? — Оришкевич наморщил лоб: что-то он не помнил, чтобы в этом году в «полтиннике» были подрывы.— И как же это произошло?

— Был там один парень без царя в голове... Прыгнул на камень — и раздался взрыв. Все очень просто, товарищ подполковник.

Оришкевич согнул крючком палец и показал его Мостовому:

— Не бывает такого.

Солдат в ответ только улыбнулся. Мины существуют двоякие: на нагрузку и на разгрузку. Противопехотные, например, это мины на нагрузку, наступает на нее солдат, создает нагрузку — мина хлопает смерчем, а те, что кладутся под камень, это мины на разгрузку: снял камень либо просто стронул с места — только тогда раздается взрыв, а так хоть сиди на камне, хоть стой, хоть прыгай на нем — не взорвется. Камень сам по себе уже нагрузка, под него можно поставить только мину с противоположным действием — на разгрузку.

— Ну и ну-у...— Оришкевич восхищенно покрутил головой.— Молодец Мостовой! Не думал, не думал! — Перевел взгляд на следующего — подвижного младшего сержанта с сахарно-белым воротничком, пришитым к вороту десантной куртки. Младший сержант вытянулся:

— Олег Попов!

— Ого! — невольно крякнул Оришкевич.— Знаменитая фамилия! А имя-то, имя! Попробуй-ка удивить публику, Олег Попов.

— Были мы на войне в Санглахе. Сели передохнуть на камнях. Посидели, ушли. На обратном пути снова там приспособились отдохнуть. Один из камней отодвинули, увидели лаз. В яму вел. А в яме той — пять душманов, восемь ханум и бинокль.

— Бывает! Насчет бинокля это хорошая деталь, товарищ Олег Попов. Не выдумал?

— Нет, чистая правда.

...Жара угасла стремительно, солнце круто поползло вниз — закаты и восходы в горах всегда бывают до оторопи быстрыми, горы — вот они, рядом, рукой подать до морщинистых, сизых каких-то, кожистых на ощупь хребтов — хребты Гиндукуша действительно будто бы кожей обтянуты, зыбко подрагивают в знойном вечернем воздухе. Помню, в первую свою поездку в 1981 году мы, несколько человек на этом же самом месте, где сейчас ведем беседу, чуть не попали под огонь крупнокалиберного пулемета, который бил именно оттуда, с одного из хребтов, бил по аэродрому, по самолетам, по палаткам и дощаникам, нещадно сек землю — от огня некуда было спрятаться, пули на излете хрипели, вздымали султаны пыли, мокро чавкали, уходя в землю, либо с воем уносились ввысь. Сейчас здесь тихо — молчат хребты.

Что значит улыбка на войне?

Война всегда была делом невеселым — не до смеха, когда бьют из пушек, но на войне всегда звучал юмор. И люди смеялись. Не могу сказать, что все рассказы ребят-разведчиков были смешными, но все-таки они вызывали улыбку. И Оришкевич мудро поступал, стараясь разговорить ребят.

Такими и запомнились они мне — улыбающимися, веселыми — ребята-десантники и подполковник Оришкевич. Должно быть, многие из них теперь уже дома. Форму свою защитную сняли. Заботы у них другие. Но долго еще не забыть им афганский словарь, не забыть Афганистан. Впрочем, как и всем нам.

Кабул — Москва. 1988 год

* Цифры взяты произвольно.

КОМПЬЮТЕР НЕ ВИНОВАТ

Стэнли Марк Рифкин был владельцем фирмы, дававшей в Лос-Анджелесе консультации по работе с вычислительной техникой.

Однажды он явился в машинный зал Национального Тихоокеанского банка, а вход туда был совершенно свободным, и выдал себя за представителя Федерального банка; ему якобы поручили выявить слабые места компьютерной системы...

В тот же день около 16 часов — в самый что ни на есть пиковый период банковских операций — Рифкин из телефона-автомата позвонил в машинный зал, назвал пароль и поручил перечислить 10 миллионов долларов на специально открытый им счет. Потом он сразу же перевел деньги в Швейцарию, отправился туда, купил на 8 миллионов долларов бриллиантов и тайком провез их в США. Однако богачом он пробыл всего пять дней. «Заложил» его адвокат, у которого Рифкин пытался выяснить, насколько безопасен ввоз в Штаты большой партии бриллиантов. Заподозрив неладное, адвокат сообщил об этом разговоре в ФБР.

Оставленный до суда на свободе, Рифкин, войдя во вкус, попытался повторить свой трюк и затребовал на этот раз через компьютер 50 миллионов долларов, но получил вместо этого 8 лет тюрьмы.

Дело Рифкина — случай отнюдь не единичный. Уже вошел в обиход термин «компьютерные преступления», развивается страхование от убытков в результате высокотехнологичного мошенничества. Убытки от таких преступлений часто выражаются шести-, а то и семизначными числами...

Но компьютеры все-таки ни в чем не виноваты.

ПОТРЯСАЮЩИЙ ДУЭТ

Какую песню поют Жак Ширак и американская рок-звезда Мадонна? Французскую народную «Братец Жак» или «Живя в материальном мире» из хит-парада?

Оказывается, дочь Ширака Клод обратилась к отцу за помощью, когда узнала, что концерт Мадонны в одном из пригородов Парижа находится под угрозой срыва. Отец Жак, как мэр Парижа, вмешался и не только спас шоу, но и распорядился принять меры к снижению цен на пластинки рок-музыки.

А поскольку дело происходило накануне президентских выборов, Ширак не упустил случая сфотографироваться рядом с Мадонной, дабы привлечь на свою сторону избирателей из числа меломанов.

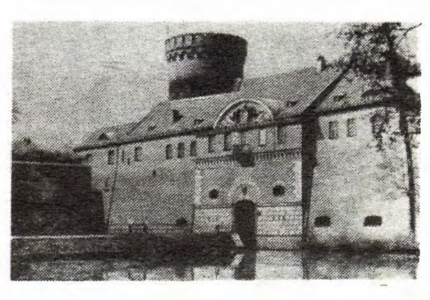
Увы, как показало время, не помогла Шираку Мадонна.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА

В предместье Западного Берлина, в окружении парков, лесов и ручьев застыла цитадель Шпандау — памятник XVI столетия.

Однако любителям старины, ежегодно стекающимся десятками тысяч поглядеть на сию достопримечательность, гиды не сообщают, что с 1936 по 1945 год в Шпандау работал центр по изучению нервно-паралитических газов и других отравляющих веществ. Огромные количества всевозможной отравы, произведенной и хранившейся гитлеровцами в цитадели, к счастью, не были использованы.

Власти Западного Берлина разработали специальную программу по спасению Шпандау. На протяжении трех лет, начиная с июня

1988 года, предполагается истратить 20 миллионов долларов на поиск и извлечение из земли ампул и прочих емкостей с ядовитой начинкой. Уже подготовлена команда из 400 полицейских, прошедших специальное обучение.

«Наши действия будут напоминать работу археологов»,— сказал офицер полиции, ответственный за проведение операции.

При всем уважении к работе археологов, однако, отметим, что от полицейских потребуется, пожалуй, большая осторожность и бдительность. Ибо в земле Шпандау находятся табун и зарин — нервно-паралитические газы, способные уничтожить человека через несколько минут после попадания микроскопических доз на кожу или в легкие.

46-летний живописец Анри Берн носит длинную бороду. Но если другим борода служит главным образом как украшение, то для этого француза она скорее рабочий инструмент, а именно кисть. То ли по этой причине, то ли потому, что Берн действительно хороший художник, его картины идут нарасхват. Недавно работы Берна выставлялись в Токио, где были куплены тридцать его полотен.

* * *

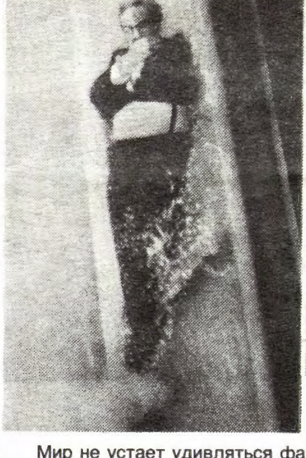
Чарльз Прайор (61 год), находясь на больничной койке в Хэмптоне (штат Вирджиния, США), прочитал в газете описание своих похорон. Городские власти не смогли дать ему удовлетворительного объяснения, а главное, так и не смогли выяснить, кого же в самом деле похоронили.

* * *

Джеймс Богг, художник из США, нарисовал британские банкноты достоинством в один фунт стерлингов и выставил их в одном из залов Лондона. Британские власти обвинили было его в изготовлении фальшивых денег, но суд признал художника невиновным и оправдал его.

* * *

93-летний фермер Чарльз Осборн из штата Айова (США) каждые три секунды икает. За 65 лет страданий он обращался к десяткам врачей, но безрезультатно. Так и икает до сих пор — черт его знает, почему.

ВНИЗ ПО ГОРКЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

Мир не устает удивляться фантазии американских проповедников, дающих сто очков вперед математикам и поэтам. Примечательно, что весь этот потрясающий потенциал идет не на доказательство теоремы Ферма или придумывание метафор, а на выявление новых способов выколачивания пожертвований.

Рекордным, вероятно, следует считать достижение 54-летнего проповедника Джерри Фолуэлла, пообещавшего — в том случае, если телепаства внесет в копилку его организации 20 миллионов долларов — совершить при большом стечении народа головокружительный спуск с 50-метровой водяной горки, именуемой «Тайфун-Убийца» и расположенной в одном из американских парков.

Снимок запечатлел Фолуэлла в момент исполнения обещания.

По материалам «Тайм» (США), «Илюстрована политика» (Югославия), «Вохенпост» (ГДР).

Христо РАДЕВСКИЙ (Болгария)

ЕЖЕУТРЕННЯЯ

Из-за моря всплыл рассвет
в синий купол небосвода.
Уж с неделю ветра нет —
просто дивная погода.

Критик, выйдя на балкон,
приуныл от этой тиши...
Вскинул руки. Молит он:
— Что примолк ты, ветер свыше?

Может, хоть намек мне дашь,
чей ты рвать намерен парус?
Вмиг направлю я туда ж
всю критическую ярость!

Перевел В. КОРЧАГИН.

•

Врач: — Если операция окажется необходимой, сможете ли вы за нее заплатить?

Пациент: — А если я не смогу заплатить за операцию, окажется ли она необходимой?

•

Будущий квартирант — хозяйке пансиона.

— Окно здесь такое маленькое, что в случае непредвиденных обстоятельств им нельзя будет воспользоваться.

— У меня не бывает никаких непредвиденных обстоятельств, мсье. Я беру только наличными и вперед.

•

Муж, вернувшийся с работы раньше времени, застает жену с неизвестным ему молодым человеком.

— Познакомься, милый, это Шарль,— говорит жена.— И ты знакомься, Шарль, это мой муж. Ну, а теперь вы поболтайте, а я пойду вызову «Скорую помощь».

•

— Не пойму, то ли бифштекс жесткий, то ли нож тупой?

— Дорогой, это не бифштекс, это пудинг.

•

— Молодой человек,— говорит пожилая дама попрошайке,— я даю вам четверть доллара, но не потому, что вы заслужили эти деньги, а потому, что помогать обездоленным доставляет мне огромную радость.

— Мэм, а что если дать мне доллар? Вот уж когда вы по-настоящему насладитесь жизнью!

•

В антикварном магазине покупатель набросился на продавца:

— Что?! Триста долларов за стол, которому сто лет! А на прошлой неделе вы просили за него двести пятьдесят.

— Но за это время древесина подорожала, а мебельщикам повысили зарплату!

•

— Мама! Я сейчас видел в окне такую огромную машину! Как дом!

— Джонни, зачем ты преувеличиваешь? Я тебе сто миллионов раз говорила, что такая привычка до добра не доводит.

•

Бродяга зашел в кабачок «Джордж и ведьма» и попросил у хозяйки немного хлеба. Та выгнала бедолагу да еще наорала как следует. Тот ушел, однако через некоторое время опять появился на пороге.

— Ну, чего еще, бездельник?

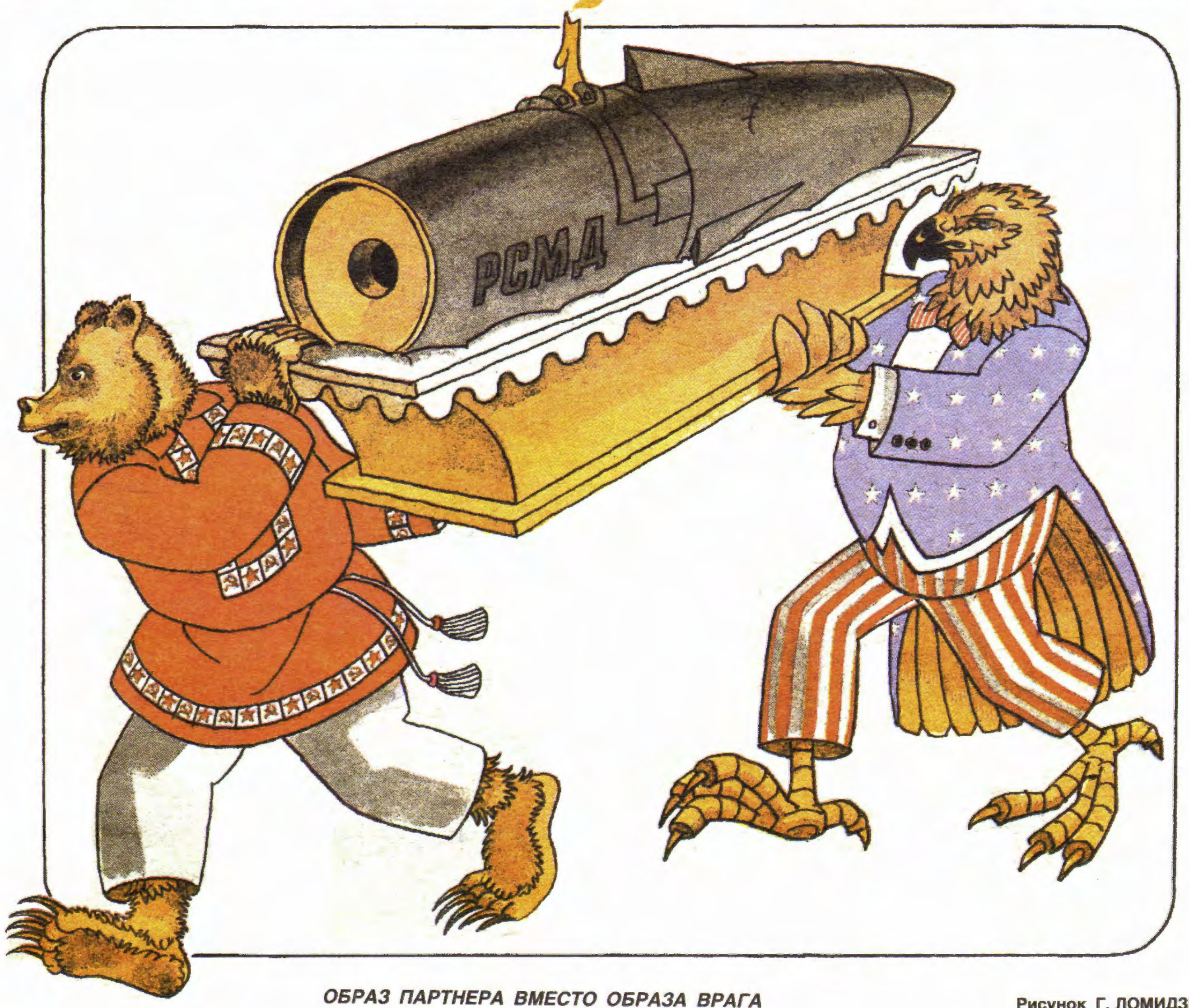
— Простите, мэм, а нельзя ли мне теперь поговорить с Джорджем?

•

— Почему шевелюра у мужчин седеет раньше, чем усы?

— Потому что усы вырастают гораздо позже.

Из сборника Р. Вудза «Книга современного юмора» (США).

ОБРАЗ ПАРТНЕРА ВМЕСТО ОБРАЗА ВРАГА

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ.

ПОКУПАТЕЛЬ

Рассказ и рисунки
Цэндийна ДОРЖГОТОВА (МНР)

— Девушка, есть ли у вас конфеты на этой, как ее?..— спросил покупатель.

— Какие конфеты? На чем на этой? — удивилась продавщица.

— Как на чем?.. На этой штуке!

— У нас есть разные конфеты. Но я не знаю, что такое штука.

— Что?!. Почему не знаете? Ведь должны знать, если вы продавец, вернее, догадаться, что хочет покупатель. Между прочим, продавцы по крайней мере должны иметь подход к покупателям. Раз покупатели разные, то и подход разный. Короче говоря, продавец должен быть психологом. Вы что-нибудь поняли?

— Поняла!

— Но понимать-то мало. Надо усвоить. Осуществить на деле! — не унимался покупатель.— Все-таки вы можете назвать, какие конфеты у вас есть?

— У нас много конфет есть! Пожалуйста, сами взгляните. Только прошу вас, не задерживайте очередь.

— А вот эти сколько стоят, над которыми цифра 24?

— Эти цифры: 24, 18, 14 — означают цену одного килограмма конфет.

— Ах, вот как! Но все же у вас нет конфет на этой... Ну, которые мне нужны.

— На чем же могут быть эти проклятые конфеты? — проворчала она и, подумав немного, с радостью сообщила: — Конфеты на палочке!

— Ну вот. Наконец-то вспомнила. Если все время вас поучать, то из вас выйдет толк. Ну вот, я хочу купить конфет на этой.

— Извините, конфет на палочке пока нет.

— Как нет?

— Так, нету. Будьте добры, выбирайте побыстрее, за вами очередь.

— Так совсем нет?

— Совсем нет!

— Даже одного килограмма нет?

— Вчера были в продаже, а сегодня нет.

— Ах, так! Вчера были, сегодня нет. Кто же купил?

— Как кто? Покупатели!

— А я кто? Не покупатель? Кстати, я хорошо знаю ваши порядки. Тот, кто приходит с черного входа,— это покупатель. Кто в очереди — тот нет!

— Товарищ покупатель, нельзя ли побыстрее, ведь нас ждут.

— Пусть ждут! Я что, хуже них?

— Ладно, вы можете завтра зайти к нам. Я постараюсь достать конфеты на палочке для вас.

— А разве я ваш знакомый?

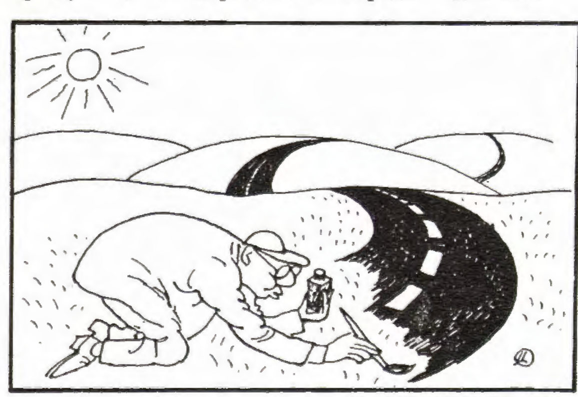
— Нет, мы с вами не знакомы.

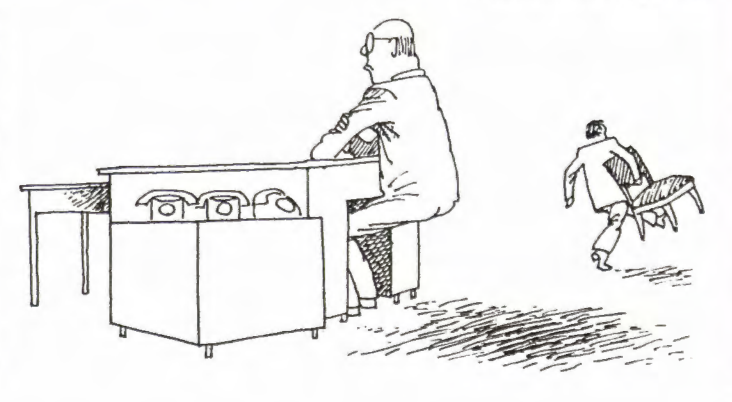
— Тогда это что, протекция? В таком случае, вы из тех продавцов, которые обслуживают покупателей с черного хода?.. Все ясно! Я пошел!

— Куда же вы?

— Куда следует! В следующий раз будете знать, как торговать из-под полы.

Перевел С. ЭРДЭНЭЭ.

№ 30 (2616)
октябрь 1988

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, А. Бавыкин, М. Вайсборд, А. Василенко, Е. Гуров, В. Дубов, Г. Ломидзе, В. Луговкин, В. Мохов, И. Новиков, Ю. Степанов, О. Теслер, В. Тильман.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 20.09.88.
Подписано к печати 27.09.88.
А 11791.
Формат бумаги 70 × 108⅛.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 700 066).
Зак. № 3107.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Со стр. 9.

Счастливые Исполины

подозревал, какому астрономическому количеству плакатистов он даст заработок... Предупредим: женщинам и детям не рекомендуется входить в полный ужасов зал, посвященный известной американской Статуе Свободы. Этой Свободе там изрядно достается от наших художников. Наложение наручников и венков из колючей проволоки здесь выглядит невинной забавой. Куда солиднее считается, например, повыковыривать ей глаза, вставив затем в пустые глазницы посторонние предметы (агентов ФБР, ракеты и пр.).

...А где же табличка с надписью «ВЫХОД»?

* * *

Выход найти, конечно, надо.

Да и вообще очень хочется, чтобы этот странный антимузей почаще закрывал свои залы за отсутствием экспонатов, глядя на которые полагается поменьше думать, стоять по стойке «смирно», всемерно одобрять и действовать с рефлекторным энтузиазмом. Трафаретный официоз и приказное жизнелюбие весьма основательно изуродовали лицо советского плаката.

Но сейчас рождаются и сходят с полулегального положения НОВЫЕ плакаты, чему свидетельством — недавние выставки — «Выставка ленинградского плаката», «Совесть», «Перестройка и мы»... Новый плакат, помноженный на многотысячные полиграфические мощности, поддержит наше сегодняшнее обновление. А что касается Музея плаката, настоящего музея — хорошо, если он станет реальностью, особенно в наши дни. За опытом, кстати, ехать недалеко — в соседние державы, в Польшу или Финляндию...

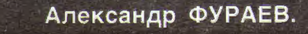
И наконец — три «выставочных» плаката, которые пока существуют (как и многие другие) лишь в единственном экземпляре.

Пусть их будет больше.

Юрий БОКСЕР.

БЮРОКРАТИЗМ
ТРУДНЕЕ ВСЕГО ВЫКОРЧЕВЫВАТЬ
В ЛЕСУ ПОДНЯТЫХ РУК

Александр ФУРАЕВ.

НЕ БУДЬ В ПЛЕНУ
ДУРНОЙ ПРИВЫЧКИ!

Татьяна НЕМКОВА.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.